

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
ЧУЖИЕ БОГИ

Роман
Часть третья

Новокузнецк
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Чужие боги : роман : часть третья / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 72 с. : ил., портр.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки
– древнеегипетская богиня радости и любви Бастет

Глава двадцать вторая ЛЮБОВЬ

Появление возлюбленной наполнило сердце гордого перса такой радостью, что ему даже показалась милой старушкой грозившая ему смертью мать Херихора. И визгливо вторивший ей внук больше не был таким тупым и противным. Речь красавицы текла, как прекрасная музыка, слов Арсам не слушал, а она увещевала родственников:

– Нам придётся объяснить номарху, что здесь случилось с крышей, зачем добавлять новых сложностей?!

– Да, – поморщившись, согласилась свекровь, – я должна беречь имущество сына. Рабов у него сейчас и так немного...

– Но здесь же всё развалилось, – влез в разговор Петубаст, – куда мы его денем?

Одним косым взглядом старуха заставила его замолчать и скромно потупиться. Но его замечание она услышала и без внимания не оставила.

– Туда, где хранятся запасы, чужих я не пушу, – почесала нос Убаинер, – там, где саркофаги... – она сморщилась, припомнив недавние события, и надолго замолчала, почёсывая щёку.

Невестка пришла ей на помощь, предложила тихонько, так, чтобы свекровь могла выдать эту мысль за свою.

– В большом доме есть заброшенный чуланчик, там валяются только старые корзины.

– Поселю его в большом доме, – важно произнесла мать номарха, – мне помнится, там один чулан пустует. Пусть в нём дожидается Херихора.

Так влюблённый Ахеменид оказался в доме своей возлюбленной. Внимательная старуха подметила огонёк радости, мелькнувший во взгляде пленника. Она не могла допустить, чтобы раб радовался, да ещё и бездельничал.

– Отправляйся в город мёртвых, – властно приказала она, – там работы много, на всех хватит.

Арсам не стал спорить, в хорошем настроении отправился по дорожке к Нилу. Мать номарха насторожила такая покладистость дерзкого перса, и она скомандовала:

– Стой! Куда собрался один?! Так нельзя!

Пришлось племяннику царя Парсы дожидаться, пока слуги разыщут свободного надсмотрщика. Узнав грузного египтянина, плохо владевшего своим бичом, перс из озорства подмигнул ему и спросил тихонько:

– Если сбегу, догонишь?

Египтянин шутки не понял, набычился, прохрипел:

– Убью!

– Это вряд ли, – отмахнулся Ахеменид, только посоветовал: – Бич держи крепче.

По знакомой дороге к пристани Арсам шёл, не торопясь, словно беззаботно прогуливался по тенистому саду; надсмотрщик не подгонял, решил не связываться со строптивым иноземцем. Так они подошли к великой реке, переправились со старым лодочником, а возле города мёртвых перс сам прибавил шагу. Заметил среди работников высокую фигуру Ганнибала.

– А ты что здесь делаешь, свободный человек? – спросил Арсам друга.

– Работа в городе мёртвых – святая дань каждого египетского крестьянина, – хмуро отозвался темнокожий.

– Значит, сегодня всем напоминают про обязанности.

Для отделки гробницы номарха снова доставили большие куски турского известняка, но каждый из них был вдвое больше, чем требовался строителям. Рабам и крестьянам пришлось раскалывать их. Жаркое солнце палило всё нещаднее, и настроение Арсама стремительно портилось. Вскоре перс работал, сжав зубы, с ненавистью смотрел на надсмотрщиков. День тянулся невыносимо медленно. Жаркие лучи палили голые плечи. Ганнибал сверлил в известняковой плите отверстия ровно по одной линии; следом за ним Арсам вбивал в отверстия кольца из ливанского кедра, а потом, когда камень давал трещину, расширял её длинным рычагом. Работа была тяжёлая, а надсмотрщики ещё и подгоняли.

Не добавило веселости Ахемениду и пролетевшая душным ветерком новость о возвращении из столицы номарха. Племянник царя Парсы не забыл угрозу старухи избавиться от него сразу после возвращения Херихора. Вот уж кого Арсам вовсе не хотел увидеть и совсем помрачнел, когда номарх подъехал с какими-то гостями на двух раззолочённых колесницах, не иначе доставленных на ладье из самого Мемфиса. Перс на египтян и не смотрел, только отметил, что лошади у них дрянные, не то, что у него на родине. Арсам налёг на рычаг, и ровная плита лопнула на два уродливых обломка.

Незнакомый надсмотрщик заорал, замахнулся длинным кнутом. Кровь царей закипела в сердце перса, он перехватил руку египтянина, выхватил у него из-за пояса длинный нож и приставил к горлу надсмотрщика. Всё произошло молниеносно, Ахеменид и сам не знал, что делать дальше.

Он услышал истошные вопли Херихора, обернулся и замер. Рядом с мужем в колеснице стояла Анахит. Арсам не сводил с неё глаз, на лице женщины застыл ужас, но смотрела она не на перса. Влюблённый проследил её взгляд и оттолкнул от себя египтянина.

Из-за ближайшей постройки к ним приближался лев. Его намерения явно не были мирными. Арсам слышал много рассказов о львах, попробовавших человеческой крови. Она действует на них как яд, животные сходят с ума и начинают убивать людей без всякой причины.

Именно такой людоед неспешно двигался к колесницам. Лев был худой, потрёпанный, грива свалывалась, но он зло скалил жёлтые клыки, выбирая первую жертву. Лошади испуганно ржали и шарахались.

Ахеменид обвёл взглядом перепуганных египтян, сжал рукоятку ножа. Царь зверей – вполне подходящий противник для потомка царей. Он спрыгнул с камня навстречу хищнику. Херихор пришёл в себя, схватил поводья, повернул колесницу и помчался прочь. Гости понеслись за ним.

Влюблённый услышал женский крик, Анахит не удержалась на крутом повороте и выпала из колесницы; лев большими скачками приближался к ней. Арсам рванулся наперерез. Хищник собрался, прижал уши и прыгнул. Перс бросился под него и воткнул нож по самую рукоятку. Зверь страшно заревел, повалился на него всем своим весом. Ахеменид едва успел убрать голову, огромная пасть сомкнулась у самого лица. К счастью, нож оказался достаточно длинным, зверь дрогнул всем телом и умер.

Пока Арсам выбирался из под тяжёлой туши, Херихор решил вернуться за женой. Лошади всхрапывали, упирались, боясь приближаться даже к мёртвому хищнику. Египтянин сердился, хлестал впряжённую в колесницу пегую пару. Анахит сама медленно подошла к мужу, но на него не смотрела, не сводила глаз с перса. На её смертельно бледном лице смешались страх и тревога. Номарх взбесился ещё больше:

– Что ты смотришь?! Забирайся в колесницу! Быстро!

Женщина болезненно поморщилась от резкого неприятного голоса мужа. Ответила очень тихо и слабо:

– Подожди, у меня нет сил. Ноги подкашиваются.

– Дура! Чего струсилась?! – обругал её Херихор. – Подумаешь, лев.

– Ты же уехал, – устало упрекнула жена.

– Это лошади испугались, понесли, – соврал номарх.

– Я видела.

Взгляд красавицы стал ледяным.

– Да жив, жив твой иноземец! – ревниво взвизгнул муж. – Вон, смотри, поднимается.

Анахит не решилась подойти к Ахемениду, Херихор и без того готов был его убить. Дрожащими пальцами она взялась за золочёный поручень колесницы и встала рядом с мужем. Он бешено хлестнул лошадей, и в плотном облаке пыли они шумно унеслись прочь.

Поздним вечером Арсам сидел один в тёмном чуланчике между гнилых корзин и ощупывал след от когтей на плече. Ничего серьёзного, он не изнеженная женщина, чтобы переживать из-за таких пустяков. Он вспомнил пьянящую роскошь материнского гарема, где часто бывал в детстве: шёлковые ковры, яркие ткани, цветы, музыку...

Сердце влюблённого замерло и забилось радостно. Арсам почувствовал нежный аромат, услышал тихие шаги. Анахит вошла, держа в одной руке светильник.

– Муж не знает, что я здесь... я так волновалась... – произнесла она, не глядя на Арсама.

– Я очень рад тебя видеть. Я боялся, что ты не придешь, из-за... – Арсам не хотел говорить о Херихоре.

– Муж благодарен тебе за мое спасение от льва, – продолжала Анахит, словно не слыша его.

– А ты? – спросил перс, заглядывая ей в лицо.

Она отвернулась, поставила светильник, заговорила, торопясь, словно ей не хватало дыхания.

– Если бы ты не убил льва, он бы разорвал меня. Херихор даже не попытался помочь мне.

– Я видел, все египтяне замерли, как замороженные, что это с ними?

– Сегодня праздник богини Бастет, в этот день нельзя убивать львов и львиц, иначе богиня отомстит.

– Так все думали только об этом?! – возмутился Ахеменид. – Даже твой муж?!

– Он всегда думает только о себе! Он трус! Он всего боится: змей, скорпионов, богов, людей и тебя боится, – она помолчала и шепнула едва слышно, – я тоже боюсь...

– Почему? Чем я напугал тебя? – мягко спросил Арсам.

Она повернулась к нему, смотрела прямо в глаза.

– Я замужняя жена! Я клялась перед богами! Ты ведёшь себя так, будто Херихора не существует, а ты – родственник фараона.

– Но так и есть, – пожал плечами перс, – Камбиз вот-вот станет фараоном...

– Здесь ты только раб! Раб моего мужа! Моего мужа! – повторила Анахит с отчаянием. – Херихор вернулся, я... просто не могу находиться с ним рядом... мне всё противно... его голос, его запах... то, как он говорит, двигается... мне хочется оттолкнуть его... моя жизнь стала невыносима... я должна справиться... должна быть такой, как всегда... не смотри на меня так!

– Я не могу иначе.

– Ты просто решил позабавиться от скуки!

– Это я-то скучаю! – рассмеялся Арсам. – Я мог скучать в Персии, а здесь твой муженёк и его мать зорко следит, чтобы мне было весело. Мраморные глыбы, гробницы, львы...

– Тише, – она закрыла ему рот ладонью и тут же отдернула руку.

– Прости, – попросил он шёпотом.

– Я хотела сказать... – снова заторопилась Анахит. – Я хотела сказать, ты отлично знаешь египетский... Херихор страшно разъярён, он запретил мне даже близко к тебе подходить. Сегодня последний раз.

Арсам хотел возразить, шагнул к ней. Анахит отступила, задела ногой светильник, он упал и погас. Они остались в полной темноте. Долго

стояли, слушая дыхание друг друга, потом перс взял женщину за руку, мягко притянул к себе.

– Последний раз, – прошептала она.

– Навсегда! – шепнул Ахеменид и стал целовать её ушко, шею, грудь...

Анахит последний раз остановила его.

– Не забывай, мы в Египте...

– Хорошо. Как это делают египтяне?

В чулане без окон рассвет не потревожил сон влюблённых. За плотным занавесом уже давно ходили люди и звучали голоса, они ничего не слышали. Вдруг полог распахнулся, внутрь хлынул свет, и чёрный силуэт старухи нарисовался в дверном проёме. Её глаза вылезли из орбит, рот раскрылся, но она не издала ни звука. Наглый раб, обнимавший жену хозяина, только поморщился во сне. Убаинер резко задернула полог.

– Сынок, поди-ка сюда, – проскрипела она.

Арсам проснулся от её противного голоса, поцелуем разбудил Анахит. Как раз в этот момент осторожный Херихор заглянул в дырочку полога и отпрянул.

– Ты должен убить его! – прошипела старуха.

Обманутый муж схватился за золочёный нож, но вспомнил поединок со львом и передумал.

– Я его отравлю.

– Плохо, что все уже знают про молодого сильного раба-иноземца, – размышляла старуха, – теперь решат, что в твоём доме опасная болезнь. Что ты проклят богами.

– Так что же делать? Продать его. Но тогда я его не накажу?

– Главное – их разлучить. Он увёл твою жену.

– О, я изобью их обоих! – придумал Херихор и чуть в ладоши не захлопал.

Но стоило персу показаться в дверном проёме, его энтузиазм разом погас.

– Вид будет не товарный, – пробурчал он.

– Убей его! – скрипела старуха.

Ахеменид надменно поднял бровь, смерил Херихора взглядом.

– Я его продам в Мемфисе, – решил египтянин, – за такого раба дадут целое стадо баранов, а Анахит заставлю смотреть.

– Трус! – плюнула Убаинер. – Ты должен покарать измену! Ты же знаешь, как сурово другие обходятся со своими неверными женами. Придумай достойное наказание и суд подтвердит твою правоту.

Херихор собрал в кулак всю свою решимость, придал лицу выражение страшного гнева, резко повернулся и стремительно удалился в глубь дома. Через мгновение оттуда донёсся громкий шум, номарх орал на всех, поколотил своего сына, обозвал мать старым крокодилем и разбил большой сосуд с благовониями для храма. Воздух тут же стал приторно сладким и душным. Херихор трижды присылал разных убау за своей

женой. Первый из них решился передать приказ хозяина и даже настаивал на его немедленном исполнении. Но, вернувшись к номарху с синяком, отказался идти второй раз. Следующий только издали прокричал слова разгневанного мужа и понёс хозяину нелестный ответ иноземца. А третий и вовсе молча постоял за углом и улизнул подальше от сумасшедшего семейства номарха.

– И всё же мы не сможем просидеть здесь всю жизнь, – грустно вздохнула Анахит.

– А что, судя по запаху, в этих корзинах хранится неплохой запас фиников. Будем питаться ими, – хотел отшутиться перс.

Но женщина была серьёзна.

– Нам всё равно придётся выйти. У каждого из нас есть свои обязательства.

– Я клялся в верности только тебе, – напомнил зороастриец, – как только здесь появится персидская армия, всё переменится. Я стану хозяином положения...

– Когда это ещё будет... – вздохнула Анахит, – и будет ли вообще, вдруг твой родственник вовсе передумает завоёвывать Египет...

– Камбиз бесконечно упрям, он ни за что не изменит решения.

– Но время идёт, а фараон по-прежнему Псаметих III.

– Уверен, это теперь вопрос нескольких дней.

– Но мы не можем ждать здесь...

– Значит, мы должны расстаться?! Но моя жизнь бессмысленна без тебя...

Он не договорил, крохотное помещение наполнилось вооружёнными слугами номарха. Они натягивали тетивы луков, поднимали мечи... Не успел гордый Ахеменид даже подумать о том, как с ними справиться, Анахит лёгким жестом отстранила смертоносное оружие и быстрым шагом вышла из чулана. Влюблённый опустил руки, позволил громоздкому, как скала, кузнецу прицепить к его ноге медную цепь, державшуюся другим концом за толстое кольцо в стене.

Только к вечеру, словно очнувшись, Ахеменид рычал от бешенства и отбил здоровенный кусок штукатурки, но освободиться не мог. За весь день он так и не увидел Анахит. Египтяне боялись подойти к нему.

Перс слышал, что сборы были спешные, вся домашняя прислуга носилась, как ужаленная. Херихор не переставал браниться, старуха каркать, а сынок номарха в бессильной злобе пнул кошку, и та впилась в него всеми когтями да так, что весь дом огласился истошными воплями Петубаста.

В столицу Херихор отправился рано утром. Проведшего всю ночь без сна Арсама приковали к колеснице номарха. Четверо слуг держали свободолюбивого раба. Жрец вышел из дома разодетый в дорогие одежды, увешанный золотом, в парике из конского волоса и высоком головном уборе. Он весь раздувался от важности и крепко держал за руку

Анахит. Она была очень бледна, глаза заплаканы, обнажённые руки в синяках.

Ахеменид рванулся к ней, но цепь не пускала. Херихор злорадно хихикнул.

– Послушай меня, жалкий варан, – громко обратился к нему перс по-египетски, – мой дядя, царь Персии, владеет половиной мира. В нашей армии воины Мидии, Ассирии, персидские всадники и финикийские корабли. Очень скоро он захватит Египет, и тогда ты станешь моим рабом!

Херихор охнул и присел на скамью у двери. Подбородок его дергался, глаза бегали, он сжал кулаки, но продолжал сидеть. Перс встретил влюблённый взгляд Анахит и заговорил с ней нежно на её родном языке.

– Чтобы ни случилось, я вернусь к тебе. Я убегу из любого плена, справлюсь с любым врагом, потому что у меня есть ты.

Глава двадцать третья ПУТЬ В МЕМФИС

Арсаму повезло, Херихор колесницей управлять совсем не умел, а колесничего у него не было. Многочисленные следовавшие сзади слуги ничем не могли помочь. Номарх вовсе побаивался лошадей и двигался почти шагом.

– Того и гляди, колесница опрокинется, – пыхтел он, – такие деньги за неё отдал, одно дышло 3 дебена! Колесница целых 5! Надо было, надо было взять ещё возницу! Чтоб справлялся с этими чудовищами.

Лицо Херихора покрылось испариной от тщетных усилий. Модная в столице эффектная езда была тяжким трудом для старика. Только тщеславие и страх заставили его в прошлый раз нестись галопом. Теперь не было ни льва, ни родовитых зрителей, и он был предельно осторожен. Так что пленнику не пришлось бежать или хотя бы быстро идти рядом с золочёной повозкой. Он не торопился, снисходительно наблюдал за тщетными попытками хозяина подчинить себе своенравных скакунов.

– Меня с самого детства учили управлять колесницами, – довольно громко произнёс перс куда-то в сторону, сделав вид, что вовсе не обращается к неудачнику-египтянину.

Херихор брезгливо дёрнул носом, отвернулся в другую сторону и тут же запутал постромки. Лошади вместо поворота влево стали пятиться и поворачивать вправо.

– Ладно, иди сюда, – недовольно бросил рабу номарх.

Арсам забрался в колесницу, длинная медная цепь совсем не помешала ему. Ахемениду так хотелось хлестнуть лошадей и понестись во весь опор, но пленник помнил, что бежать ему, в общем, некуда, да и пеших слуг, старавшихся не отставать от повозки, ему неожиданно стало жаль.

Гордый перс с досадой вспомнил, как Анубис напомнил ему о незавидной рабской доле.

– У каждого своя судьба! – раздражённо буркнул Арсам.

Номарх его не расслышал, но в этот момент он тоже роптал на свою судьбу: не каждому египетскому жрецу достаются такие испытания. Обиднее всего чиновнику было видеть в иноземце счастливого соперника.

– Всё-то у него получается, – бухтел старик за спиной возницы, – не может такого быть! Продам, дёшево его продам. Нет, – заспорил сам с собой Херихор, – надо хотя бы хорошую плату взять.

Племянник царя Персии презрительно не обращал на номарха внимания. Херихор полез было командовать, да вовремя передумал.

«Этот детина меня заметит, только если дёрну за цепь, так недолго и свалиться на землю».

Лошади очень быстро домчали мрачного номарха до пристани.

«Может, вернуться в поместье?» – одновременно подумали перс и египтянин.

Обоих нестерпимо тянуло к тёмным глазам красавицы Анахит, но оба решили быть твёрдыми и, ничем не выдав своих сомнений, поднялись на борт ладьи. На огромной ладье номарха нашлось место и роскошному навесу для хозяина, и колеснице вместе с лошадьми, и многочисленным слугам, и иноземному пленнику. Больше десятка гребцов, обливаясь потом, медленно продвигали судно вверх по течению Нила.

«Не завидую я этим ребятам», – думал Арсам, спокойно сидевший на корме, вместе с другими пассажирами.

От египтян его отличало всё та же тяжёлая толстая медная цепь, на этот раз надёжно прицепленная к борту ладьи. Внимательно наблюдавший, как её закрепляли, Арсам видел, что вполне мог бы вырвать цепь и освободиться, но... он понимал, что трусливый Херихор непременно отомстит за любое неповиновение не своенравному персу, а тем, кто слабее его, в первую очередь – Анахит. Защитить любимую от старого мужа Ахеменид мог, только покорно уплывая вместе с ним всё дальше от красавицы.

Арсам сам удивлялся своему спокойствию. Родственник царей с трудом мирился с положением раба, сидящего на цепи; развлечения ради он приставал к египтянам с вопросами:

– Кто из вас раньше бывал в Мемфисе?

– Да я жил там последние десять лет, – хвастливо отозвался заплывший жирком лысый убау номарха, – я самый лучший повар.

– Это кто ж тебе сказал? – усомнился перс.

– Сам господин, – гордо выпятил грудь египтянин.

– Так ты знаешь город?

– Как свои пять пальцев! – снова похвастался египтянин.

«Ты мне ещё пригодишься, – подумал Арсам. – Жаль только Ганнибалу незачем ехать в столицу».

Племянник царей Парсы потерял интерес к болтливым слугам номарха, погрузился в свои размышления.

«Проклятые египетские демоны сами не знают, чего хотят от людей! – сердился Ахеменид. – То помогают убежать, то велят сидеть смиренно до тех пор, пока Херихор не отправит меня туда, куда недавно старательно не пускали дурацкие боги, такое впечатление, что они сами не могут договориться между собой, или...»

Перс не успел придумать достойного оправдания странным поворотам своей судьбы. Плыть по Нилу пассажиром, пусть даже с медной цепью на ноге, было куда приятней и легче, чем самому продвигать лодку ударами тяжёлого весла. Он и не заметил, как большая ладья приблизилась к уже знакомой ему пристани. Херихор захотел отдохнуть на берегу, и слуги ринулись обустроить для него красивый и уютный привал. Сначала номарх собирался сразу продолжить путь, но шёлковый шатёр оказался слишком приятным пристанищем, и старый муж Анахит объявил, что останется здесь и отправится дальше только на следующее утро. Чтобы лишний раз не возиться с цепью, пленника оставили ночевать на судне вместе с гребцами. Теперь гордый родственник царей изнывал от скуки. Ему даже пришла в голову странная мысль о том, что Херихор должен быть неплохим жрецом, если его поместье так охотно посещали всевозможные звероголовые боги. Здесь, на реке, гордецу явно не хватало общества кого-нибудь из небожителей.

Когда уже стемнело и усталые гребцы заснули, а наскучавшийся перс всё ещё не мог последовать их примеру, вдруг громко испуганно заржали лошади; они стали дёргать свою привязь и сдвинули плохо закреплённую колесницу, она покатила по палубе, налетела на хозяйский навес, длинный плотный полог намотался на колеса, затрещал и оторвался от крыши навеса. Гребцы повскакивали на ноги, бросились распутывать колесницу, поправлять полог, успокаивать лошадей, а к Арсаму пригнувшись, подбежал виновник случившегося.

– Вот хорошо, думал уж тебя не найду! – едва переведя дух, шептал запыхавшийся темнокожий друг перса.

– Откуда ты здесь?! – поразился пленник номарха.

– Из дома, конечно! – охотно объяснил Ганнибал. – Я вечером только послушал обычные разговоры про слабые всходы, про отсутствие дождя, про сдохшего быка... И понял, что не могу больше сидеть на месте. Всё думал про столицу, а мать словно угадала: «Езжай, – говорит, – пока молодой!», вот я и...

– Как же ты нас догнал?

– За ладьей Херихора пристроились ещё десяток лодок, вот... Может, сбежим, пока Херихор дрыхнет на берегу? – неожиданно предложил египтянин.

– Ганнибал, ты ли это?! – рассмеялся зороастриец. – Ты же всегда собирался тихонько ждать, пока утонешь!

– Не хочу я тихонько, – буркнул египтянин.

Арсаму показалось, что они с другом поменялись местами. Он готов был повторять слова, которые раньше твердил ему темнокожий. Это рассмешило Ахеменида ещё больше.

– Что за страна?! Всё здесь перевернуто с ног на голову. Свободные люди работают больше рабов, а иноземцы следуют советам точнее, чем вы сами.

– О чем это ты? – нахмурился Ганнибал.

– Один зелёный бог, Осирис, кажется, посоветовал мне вести себя тихо да исполнять приказы номарха.

– Ух ты, сам Осирис! – восхитился египтянин.

– Если ты сейчас куда-нибудь не спрячешься, то никакой бог нам не поможет, тебя заметят и кинут за борт крокодилам.

Ганнибал спохватился и юркнул в чёрную тень от высоко загнутого кормового украшения и как раз вовремя – гребцы наконец справились с напуганными лошадьми и поставили на место колесницу.

– Ну вот, бежать поздно, – зло шипел он из своего укрытия.

– У меня другое предложение, – тихонько ответил ему Арсам, – давай позволим Херихору спокойно довести нас до столицы, а там уж посмотрим.

– Хм, разумное предложение, – согласился Ганнибал, – как мне самому это в голову не пришло?!

– Не о том думал, – буркнул перс, – как ты теперь доберёшься до своей лодки?

Так далеко в будущее Ганнибал не заглядывал. Он уже приготовился просто плюхнуться в воду, когда Ахеменид отвлёк на себя внимание гребцов.

– Эй, – закричал он, – помогите мне выдрать эту штуку!

Египтян, привыкших покорно исполнять приказы хозяина, страшно возмутило желание пленника освободиться от цепи. Они дружной толпой бросились мешать ему избавиться от оков. В это время никем не замеченный Ганнибал шмыгнул мимо них на сходни и по тёмному берегу добежал до того места, где пристала та лодка, на которой он приплыл сюда.

Остаток пути до Египетской столицы гордый Ахеменид вёл себя тише воды, ниже травы. Больше не рвался на свободу и с любопытством слушал старинные легенды, которые пересказывали друг другу слуги номарха, чтобы скоротать время. Всё началось с того, что самодовольному повару вздумалось критиковать тяжёлую и неповоротливую ладью номарха:

– Тот, кто построил эту такую громадину, наверное, не знал, как Сет спорил с Гором из-за наследства Осириса.

– Это кем же надо быть, чтоб не знать эту легенду?! – фыркнул один из гребцов.

– Иноземцем, – подсказал перс.

– Верно, верно, хозяин говорил, что ладью доставили издалека, – подтвердил повар, – могли и не знать, как боги земное царство делили.

– А лодки здесь при чём? – подал голос Арсам.

– Когда Сет убил Осириса, – принялся неспешно излагать египтянин, – он объявил себя наследником его царства, в обход его сына Гора. Судить богов взялся великий Ра, долго спорили и дрались Сет и Гор, пока не решились соревноваться. Сет предложил плыть по Нилу на каменных ладьях, и чья лодка будет быстрее, тот и победит. Рыжеголовый Сет был старше да тупее, сделал он свою ладью из громадной горы, а умный Гор – построил деревянную лодку, и только покрасил её как тяжёлый камень. Едва спустили они свои суда на реку, громадная посуда Сета сразу пошла ко дну, а лёгкая ладья Гора скользила по волнам.

– История сейчас вполне подходящая, только какая из неё мораль?

– Неужели все иноземцы такие глупые?! – всплеснул руками египтянин. – Когда золотой век кончился, Гор передал свой трон людям, царям Египта – фараонам. Они потомки Гора.

– Так вот почему цари такие гордые! – рассмеялся своей догадке Ахеменид. – Гордость – это то, что досталось фараонам от великого предка.

– А радость – то, что мы все получаем от великого Ра! – подытожил пожилой солидный слуга номарха. – Он повелел нам уважать и заботиться о фараонах.

Египтянам больше ни добавить, ни возразить было нечего. Все они, плывшие на этой ладье, одинаково были только рабами для потомка непобедимых богов. Никто из них не видел фараона и мог только мечтать хотя бы приблизиться к нему.

Потомка царей Парсы одолели совсем другие мысли: он так привык в этой стране к обилию разных божеств, привык слушать легенды и даже встречать разных удивительных существ на своём пути; вся эта божественная чехарда едва не погубила в нём законопослушного зороастрийца. Перс отвернулся от шумной компании слуг Херихора, повторял слова Ахуна Вары и просил прощения у Ахура Мазды за своё невольное бездействие; но гордый Ахеменид не привык долго оправдываться даже перед богом. И он очень порадовался, когда понял, что ладья приближалась к столице Египта.

Показавшиеся впереди пристани Мемфиса вызвали среди египтян такую суету и волнение, словно они все, так же, как Арсам, видели египетскую столицу первый раз в жизни, хотя, судя по разговорам, номарх бывал там регулярно. Пристать к берегу мешало настоящее столпотворение маленьких лодочек и огромных пышно украшенных ладей. Пришлось долго стоять на якоре почти на середине реки и ждать, пока разгрузится грузовое судно с тюками разного товара.

«Не удивительно, что Камбиз решил во что бы то ни стало завоевать эту страну, если она так богата», – размышлял племянник персидского царя.

Воображение живо нарисовало ему беспощадно яркую картину разграбления солдатами богатого города.

– Гадость какая! – отмахнулся Арсам.

Наконец разгрузка кончилась, десятки носильщиков потащили на спинах разноцветные свёртки и короба. Грузовая ладья отошла от причала, Херихор смог причалить и высадиться на берег. Он первым торжественно покинул палубу, следом повели лошадей, покатали колесницу... Перс уже начал думать, что его так и забудут на борту, когда Херихор ткнул в его сторону пальцем.

– Возницу сюда, – скомандовал он.

Цепь пленника с помощью тяжёлых молотов поспешно принялись освобождать из хитроумного замка, вделанного в борт судна. Арсам терпеливо наблюдал за их стараниями, не торопясь подсказать давно подмеченное им слабое место, потом всё же не выдержал, кивнул египтянину с молотом:

– Смотри, здесь этот угол едва держится. Дерево расслоилось, и штырь вышел.

Парень радостно оскалился, показал кривые зубы, изо всех сил долбанул по ослабшему гвоздю. Тяжёлая цепь свалилась на палубу.

– Тащи её сам, – передал египтянин приказ хозяина, – номарх ждет тебя в колеснице.

Подхватив длинный тяжёлый конец своих медных оков, Арсам покинул нарядную ладью, бурча себе под нос:

– Видел бы меня дядюшка. Сам себя не узнаю. Вот сейчас врежу этой цепью по башке Херихора – и не будет номарха! Благодарить! – зло улыбнулся Ахеменид.

Он уже готовился привести свой план в исполнение, когда, шагая по узким сходам, заметил в воде что-то ярко-синее. Арсам не поленился наклониться и схватил рукой мокрую ткань. Потянул и достал из реки... он не поверил своим глазам. В руке Ахеменида повис целый и невредимый роскошный персидский халат.

– Старый знакомый! – воскликнул поражённый перс. – Я ведь утопил тебя гораздо ниже по течению, такого не может быть! Хотя...

Арсам припомнил шутки лукавых египетских богов.

– Здесь возможно всё! – решил он и стал отжимать тяжёлый от воды халат.

Под нещадными лучами африканского солнца было приятно надеть мокрую ткань. Пленник номарха только пожалел, что его вещь не вернулась раньше, когда ночью на реке было сыро и очень прохладно.

Старый жрец был неприятно поражён, увидев своего богато разодетого хенуу. Хотел даже отобрать его слишком дорогую заморскую

вещь, да промолчал, вовремя подумав о том, что не всякий столичный житель может похвастать таким рабом, а может быть, он просто испугался.

– Быстро, поехали! – взвизгнул старый муж красавицы Анахит. – Сколько можно тебя ждать?!

– Ты уже дождался, – с угрозой зарычал Ахеменид.

Херихор шархнул и едва не вывалился из колесницы, а мгновение спустя оба предпочли сделать вид, что ничего не произошло. Вокруг города поднимались высокие мощные стены из кирпича-сырца. Со стороны пристани были устроены ворота между двумя квадратными башнями. Все повозки и пешие грузчики проходили под их низкими сводами. Ахеменид отметил удивительное сходство в отделке ворот с барельефами из города богов.

– Интересно, кто кого копировал?! – улыбнулся недавний гость Таита.

Перс с удовольствием правил парой лошадей, разглядывал незнакомый город. Его поражали прямые широкие улицы, обилие тенистых садов и храмов разных богов, украшенных громадными статуями, высившимися по обе стороны от входов; в глазах рябило от десятков звериных фигур, сидевших вдоль дорожек: львы, бараны, соколы, другие неизвестные персу звери. Фасады домов украшали колонны, а площади – устремленные к небу гранитные обелиски. Дорога была загружена пешими горожанами и золочеными колесницами, запряженными парами лошадей, коротконогих, маленьких, увешанных золотыми украшениями.

Глава двадцать четвертая СБЫВШЕЕСЯ ЗНАМЕНИЕ

Вдоль столичных улиц ровными рядами выстроились высокие гибкие пальмы.

«И здесь любят финики», – подумал уроженец горной страны.

– Поворачивай, поворачивай здесь! – торопился скомандовать Херихор.

Кони послушно свернули на выложенную ровными цветными плиточками боковую дорожку. Путь этот был им явно знаком и приятен.

«Уже близко конюшня, где их от пуза накормят овсом», – подметил воэница.

Колесница обогнула высокий величественный храм какого-то неизвестного персу божества. По обе стороны от входа в него были высечены из гранита огромные фигуры сидящего на троне фараона и его жены. Статуи поражали искусным исполнением, суровые лица правителей казались живыми. У Арсама возникло впечатление, что каменный фараон проводил его недоброжелательным взглядом. Проехав мимо длинной стены храма, номарх вновь велел свернуть. В тени высоких пальм и каких-то колючих кустарников прятался столичный дом

номарха. Маленький, по сравнению с храмом, он бы гораздо больше его загородного жилища.

– Лошадей туда! – кратко объявил Херихор, указав пальцем на отдельное строение.

Ахеменид не стал уточнять, подождал, пока старый пузатый муж красавицы Анахит с кряхтением выбрался из колесницы, и шагом направил коней в конюшню. Коротконогие скакуны неожиданно выказали прыть; весело заржав, они перешли на рысь и быстро потащили колесницу туда, где их ждал отдых и пища. Арсам не стал им мешать. Он был рад снова оказаться там, где любил пропадать в детстве. И хотя египетские лошадки казались ему смешными, эти благородные животные нравились гордому племяннику царя куда больше их странных лживых хозяев. Двое расторопных убау бросились распрягать колесницу. Ахеменид опытным взглядом обвёл хозяйство номарха.

– Не удивительно, что лошадки так сюда рвались, – усмехнулся перс, – здесь всё устроено только для них двоих. Не богат номарх скакунами.

Небольшое помещение было щедро завалено свежим сеном и корзинами с овсом. Оба стойла были выполнены из отличного дерева, украшенного резьбой и росписью. Всё было сделано солидно и дорого.

Конюхи сначала приняли приезжего за нового слугу Херихора, доброжелательно разулыбались, подошли пообщаться.

– Кого ещё прислал нам хозяин? – весело спросил тот, что был повыше.

– Ты, небось, впервые в столице? – заметил тот, что был меньше ростом.

Ахеменид и сам забыл про свою цепь, лежавшую рядышком с ним в колеснице, но первый же шаг от повозки напомнил о ней. Медь тяжело звякнула, и, прежде чем пленник успел подхватить цепь, все увидели, что перед ними только хенуу. Оба египтянина разом смолкли, остановились, не сговариваясь, развернулись и направились в другую сторону, словно вовсе никого перед собой не видели. С этого мгновения Арсам остался один, его цепь крепилась к колеснице очень не надежно, и Ахеменид легко освободил её конец от большого крюка, торчавшего сзади повозки. Он стоял возле плохо оштукатуренной стены конюшни, перса даже забавляло надменное желание слуг подчеркнуть, что они здесь свободные люди и куда важнее его.

– Ну, точно придворные страсти, – буркнул родственник царей.

Некоторое время спустя, когда Ахемениду наскучило следить за поведением важно задравшей носы прислуги, он всерьёз задумался.

«Если я сейчас сбегу, никто, конечно, не заметит, но где же я буду искать Ганнибала?»

Арсам неосторожно произнёс имя друга вслух, и его услышал один из надменных конюхов. Он брезгливо поморщился и шепнул своему приятелю, надеясь, что раб его не услышит:

– Чего это он там бормочет?

– Кажется, так зовут того копчёного крестьянина, что пристроился помогать на кухне.

«Отлично, – отметил про себя перс, – Ганнибал совсем рядом, пора его найти, пока мои оковы опять куда-нибудь не прицепили».

Арсам собрался исчезнуть незаметно для конюхов, и это бы легко ему удалось, ведь они, проявляя презрение, старались даже не смотреть в его сторону, если бы... Со двора донеслось громкое лошадиное ржание, стук копыт, твёрдые колёса колесниц застучали по плитам.

– Гости! – хором воскликнули египтяне и бросились встречать приехавших.

Ахеменид осторожно выглянул в широкий дверной проём. Двор номарха был наполнен ярким сиянием, солнечные лучи отражались от раззолочённой сбруи лошадей, впряжённых в богато украшенные тяжёлые колесницы. Прибывшие египтяне сверкали массивными золотыми ожерельями и браслетами. Одежда их была сплошь заткана золотыми нитями. Вопреки обыкновению, египтяне были обуты в сандалии, но их обувь выглядела так, словно её тщательно берегли и почти не носили. Важность гостей подчеркивали тяжёлые чёрные парики из конского волоса, свисавшие на плечи. Ахеменида поразили густо подведённые глаза приехавших мужчин.

«У этих господ модно походить на женщин, – подумал перс, – интересно было бы увидеть знатных египтянок, но в здешние гаремы мне точно не попасть. Да и зачем?»

Он щемяще ясно вспомнил мягкие черты прекрасной Анахит. Гордому Ахемениду отчаянно захотелось вырваться из всех этих египетских традиций и броситься к любимой...

– Эй ты, – поманил его пальцем важный только что приехавший сановник, – за моими конями особый уход нужен, только вчера доставили из Персии. Таких скакунов ещё у самого фараона нет!

Упоминание о родине болью отозвалось в сердце Арсама, кони у египтянина и вправду были роскошные. Знающий толк в лошадях Ахеменид залюбовался тонконогой вороной парой.

– Чего застыл? – прикрикнул на него сановник. – Держи коней!

Перс с радостью подчинился, подхватил одной рукой свою цепь, другой взял под уздцы норовистых коней. Почувствовав его силу и уверенность, жеребцы перестали рваться и бить копытами.

– Ух ты, умеешь! – похвалил важный египтянин. – А с колесницей справишься?

– Легко, – гордо поднял голову потомок царей.

– Мой возничий – размазня, пожалуй, куплю тебя у номарха, – решил разодетый египетский сановник.

Чтобы отвести лошадей в тень, перс вскочил в колесницу, и сильные животные послушно подчинились ему. Египетские слуги Херихора

пыхтели вокруг второй колесницы. Теперь уже Ахеменид взглянул на них свысока.

Важный египтянин, не торопясь, удалился, вошёл в дом; многочисленная пестрая толпа приближённых последовала за ним. Арсам их не видел, обо всём позабыв, он не мог отойти от великолепных скакунов. Привезённые с его родины животные резко отличались от египетских коротконогих лошадок. Они были гораздо крупнее, выше, перебирали тонкими точёными ногами. Перс гладил коней по красиво изогнутым шеям, они тянули к нему шелковисто-чёрные морды, смотрели большими тёмными влажными глазами... Ахеменид не замечал, как летело время. Уязвлённая гордость царского племянника блаженно молчала. Он даже не задумался над горьким смыслом слов египетского вельможи. Арсаму не было дела до всех, кто продает и покупает рабов.

Реальность напомнила о себе противным голосом Херихора, громко говорившего где-то совсем рядом:

– Ну что же, господин Хефрон, рад был тебе услужить. Твоим персидским коням и вправду нужен персидский возница.

– Ну и заломил ты цену, Херихор, – немного раздражённо отвечал ему приезжий сановник, – за такую гору золота я мог купить четырёх рабов. Моли богов, чтобы твой иноземец был достоин моих затрат.

– Я поклялся богам, продать его как можно дороже, – потирал руки номарх.

– Ты отлично исполнил свою клятву.

Солидные египтяне расточали друг другу льстивые улыбки и раскланивались. Пока приезжий небрежным жестом не поманил к себе одного из своих убау. Тот, мгновенно поняв, чего хочет хозяин, бегом бросился к конюшне. Подбежал к Арсаму и закричал:

– Быстрей, быстрей, господин велел подать колесницу!

Арсам надменным жестом указал на свою тяжёлую цепь.

– Нужно это оставить здесь.

Слуга растерялся, задумался, даже затылок почесал, сдвинув на глаза короткий чёрный парик. Пробормотал что-то вроде того, что никогда этим не занимался, и всё так же бегом умчался обратно к хозяину. Тот медлительным кивком головы подтвердил правоту иноземца. И сразу забегали все убау важного сановника. Ахеменида забавляла эта бестолковая суета, она напомнила привычную царскому племяннику дворцовую прислугу. Удивительно быстро его избавили от ненавистного медного украшения. Так и бросили бесполезную цепь посреди маленькой конюшни номарха.

Заняв свое место в большой красивой колеснице Хефрона и взяв в руки кожаные вожжи, перс почувствовал себя свободным и почти счастливым человеком. Его счастье было бы полным, если бы вместо толстого разнаряженного в золото сановника рядом с ним в колеснице стояла прекрасная Анахит. Мысль о чужой жене заставила Ахеменида

нахмурить брови. К тому же он вдруг подумал, что больше может никогда не встретить своего темнокожего друга.

– Ничего, это ещё не конец! Я обязательно найду Ганнибала и заберу Анахит у старика, – пробормотал потомок царей Парсы.

Новый хозяин иноземца решил, что возница разговаривает с лошадьми, и не стал прислушиваться. Херихор проводил дорогую колесницу завистливым взглядом, вздохнул, словно держал на плечах громадную пирамиду Хеопса, сгорбиллся совсем по-стариковски и поплёлся в свои хоромы. Нехорошее предчувствие одолело номарха при виде этого гордо выпрямившегося перса.

Колесница быстро и легко катилась по широким улицам египетской столицы. Большие колёса с четырьмя толстыми спицами быстро несли её вперёд. Важный сановник только довольно покрякивал на поворотах, благосклонно посматривая на своего нового раба. Им обоим дорога казалась приятной. Сановник, важно выпятив грудь, неспешно командовал, куда направляться:

– Здесь направо, теперь прямо, прямо...

– Куда дальше, – резко спросил перс.

– Не... не знаю... я не вижу! – в ужасе воскликнул египтянин.

Хефрону не зря стало так страшно. Яркий солнечный день с пугающей быстротой стал меркнуть и превращаться в непроглядную чёрную ночь. На утратившем ослепительное сияние небе солнечный диск быстро закрывал непроглядный тёмный круг. В считанное мгновение от светила остался лишь жёлтый ободок на чёрном небе. На город опустилась ночная тьма. В ней растворились дома и деревья. Люди метались в безумном страхе. Кто-то закричал:

– Это конец света! Апоп победил великого Ра и проглотил его ладью!

– Конец!

– Конец! Апоп победил! – вторила ему толпа.

Вороня пара давно уже перешла с рыси на медленный шаг, а теперь и вовсе остановилась. Кони испуганно всхрапывали, шарахались от пробежавших мимо и налетавших на них в темноте охваченных паникой египтян. Арсам, твердо решивший ничему больше не удивляться в этой стране, терпеливо ждал продолжения происшествия. Как ни странно, его новый хозяин тоже оставался спокоен и мрачен. Только бубнил недовольно.

– Предупреждали меня жрецы, напрасно я не верил, что скоро придёт великое знамение. Не к добру это солнечное затмение, такое очень редко случается.

Словно для того, чтобы успокоить измученных страхом египтян, солнце выглянуло из-за тёмной преграды. Красивый лучистый серпик стал увеличиваться, становилось всё светлее, однако это не прибавило спокойствия жителям Мемфиса. Другой голос из толпы крикнул:

– Быть беде! Нас ждут страшные бедствия! Затмение солнца – это знак! Боги предупреждают нас!

– Знамение!

– Знамение! Быть беде! – вторила толпа.

– На этот раз они правы, – вздохнул сановник, – народу не стоит об этом знать, но такое не скроешь...

Солнечный диск увеличивался, медленно выплывал из-за тёмного круга. Вокруг становилось всё светлее, и тёплый солнечный день вскоре успокоил прохожих. Они обсуждали случившееся вполголоса. Как ни в чём не бывало, спешили по своим делам. Больше ничего не мешало красивой новенькой колеснице добраться до огромного дома важного египтянина. Возле украшенного статуями фараонов входа новый хозяин перса торжественно сошёл с колесницы, он всё делал с особой торжественностью. Египтянина тут же окружили слуги и приближённые, угодливо улыбаясь, подхватили под руки, словно он не мог ходить сам. Однако сановник не забыл обернуться и велеть надменно:

– Упряжку в конюшню, колесницу в сарай.

У столичного сановника было столько убау, что Арсам не успел сам выполнить ни одного из приказаний. В мгновение ока колесницу окружили египтяне, выпрягли, увели коней и утащили повозку. Ахеменид только шёл следом, он ещё не успел спросить, но какой-то вертлявый малый уже объяснял ему:

– Возницы у нас живут вон там, в том же сарае, куда увезли колесницу. Видишь сбоку?

Арсам отправился в указанный ему домик, и то, что он первое увидел, войдя в своё новое жилище, поразило его больше, чем солнечное затмение. Посреди абсолютно пустой грязной комнатушки торжественно возвышался сундук Херихора. Тот самый, который опустился на дно Великого Нила после нападения бегемотов. Ахеменид изумлённо разглядывал знакомые узоры резьбы, потёртые ручки, массивный медный замок остался нетронутым.

– Как ни старались, не смогли его открыть, – услышал перс за спиной весёлый голос, – хозяин приказал убрать его с глаз долой.

Позади потомка царей стоял худощавый молодой слуга столичного сановника. Он подошел к сундуку, хлопнул ладонью по крышке.

– Так и не знаем, чем он набит, только тяжёлый зараза! Будто в нем камни.

– Откуда он здесь у вас?

– Я уж и не знаю, никто и не припомнит, когда сундук появился. Говорят, уже давным-давно.

– Нет, – пробормотал бывший раб номарха Херихора, – это совсем другой ящик. Просто похож.

Но перс никогда раньше не встречал такого удивительного сходства: одинаковые трещины, царапины, потертости.

– Вот бы узнать, что внутри!

– Попробуй, – пожал плечами молодой слуга, – ты новенький, остальные уже пытались.

Заранее уверенный, что все старания иноземца ни к чему не приведут, египтянин потерял к нему всякий интерес, повернулся и вышел неспешно, как и все слуги в этом доме. Арсам подошёл к загадочному ящику, даже приблизительно не представляя, каким образом сможет заглянуть под его крышку. Он повёл пальцем по затейливой деревянной резьбе, видневшейся с краю, не оббитом медными украшениями; среди дивных цветов и листьев мастер расположил звероголовых египетских богов. Арсам улыбнулся, припомнив шумный и бесполезный гнев Анубиса. Он щёлкнул по носу спесивого божка... в ответ из глубин резного ящика раздался громкий скрежет и резкий звук щелчка. Перс отпрянул от странной вещи, он заметил, что между толстенной тяжёлой от резных барельефов крышкой и стенкой сундука появилась широкая тёмная щель. Ахеменид уже протянул руку, но заглянуть внутрь не успел.

– Мы пропали! Войска Камбиза вошли в Египет!

С этим криком молодой худошавый египтянин влетел в комнату, подпрыгнул и, усевшись на крышку сундука, даже не заметив громкого щелчка, торопясь, захлебываясь словами, принялся рассказывать:

– Наш командующий флотом Уджагорресент предал своего фараона и перешёл на сторону захватчиков. А греческий наёмник Фанес ещё раньше убежал к персам, передал им ценные сведения о наших военных приготовлениях. Армия фараона встретила персидское войско у Пелусия... Я слышал, я слышал, что сами греческие солдаты поднялись против своего начальника и закололи перед строем его сыновей... – вдруг египтянин замолчал, с ужасом посмотрел на иноземца, прохрипел придушено: – Э-э, а ты откуда родом?

– Из Персии, – медленно ответил Арсам, наслаждаясь произведённым его словами эффектом.

Слуга столичного сановника сразу завял, как сочная трава под жарким солнцем; безвольно, вяло сполз с сундука.

– А-а-а, – еле слышно выдохнул он и метнулся к выходу.

Глава двадцать пятая ПРОЧЬ ИЗ СТОЛИЦЫ

– Война!

– Война!

Эти полные ужаса крики заполнили весь Мемфис. Когда Арсам следом за убежавшим слугой вышел во двор богатого дома своего господина, вокруг уже царил хаос. Словно мгновенно лишившись разума, люди бесцельно метались, не находя себе места. Возле резных деревянных ворот одна пожилая египтянка, заговорщески приставив

ладонь ко рту, шёпотом рассказывала другой, такой же покрытой морщинами горожанке:

– Греки убили сыновей Фанеса, смешали их кровь с вином и, выпив, бросились в бой...

– Наши воины сражались как львы! – вторил ей солидный египтянин, почёсывая изрядное брюшко.

– Ох, слишком много изменников на нашу голову, – вздыхала старуха, – говорят, многие знатные люди переметнулись на сторону врага.

– Знали персы, что без этого им не одолеть наших славных солдат. Заранее начали сманивать доносчиков.

– Если бы не финикийский флот, не добрались бы они до Египта.

– Говорят, кто-то из изменников провёл их войска через страшную Синайскую пустыню, – добавила пожилая горожанка.

– Не изменники, а племена кочевников взялись помогать зороастрийцам, – авторитетно поправил пузатый, – и всё же если бы не измена Уджагорресента, не решились бы враги наступать.

– Так кто победил-то? Наши? – спросила египтянка.

– Персы, – вынужден был признать её сосед, – в битве при Пелусии пали многие храбрые египтяне, но и захватчиков мы потрепали, и всё же Камбиз рассеял нашу армию. От тех солдат, которым удалось спастись, и стало известно всё, как было.

– Солдаты бежали в Мемфис?! – ужаснулась женщина. – Так войска персов тоже придут сюда?!

Она только сказала это, сама до смерти испугалась своих слов, побелела, как полотно, и зажала себе рот рукой, словно могла этим предотвратить то, о чём говорила.

Перед персом возникла как наяву, великолепная картина наступающей персидской армии. Ровные ряды конницы выступали вперёд, яркое солнце освещало хищно улыбавшихся бородатых всадников в ярких одеждах, их статных гордо скакавших коней. Над войсками победно веяли знамена, звучали победные кличи...

Ахеменид улыбался воспоминаниям, но жестокая память вдруг подбросила ему совсем другие картины. Он увидел, как персидская конница галопом влетает в крохотную деревеньку, всадники легко спешиваются, разбегаются по домам, из ветхих домишек доносятся крики и плач, бегут испуганные дети... Победители возвращаются к своим рысакам, засовывая за пазуху женские украшения, какие-то вещи... Конница летит дальше, а за их спинами поднимаются рыжие языки пожара и неумолчный страшный стон...

– Анахит! – воскликнул влюблённый.

Арсам бросился к конюшне, вбежал, не замечая устремившихся его останавливать египетских убау, вывел во двор одного вороного, вскочил на него и был таков. За ним неслись разъярённые крики, перс только лупил коня пятками, гнал вперёд – быстрее-быстрее! Он скакал по улицам

Мемфиса, мчался к реке, туда, где покачивались, ожидая пассажиров, большие и маленькие ладьи. Город уже казался ему бесконечным. Перс легко узнавал улицы, храмы, знал, что не заблудился, но всё не мог достичь пристани. Путь ему преградили городские кирпичные стены. Перепуганные известиями о поражении при Пелусии, городская стража спешила закрыть ворота, но вид летевшего прямо на них разгорячённого всадника испугал их больше, чем рассказы о далёкой битве. Вооружённые серповидными мечами солдаты расступились и даже придержали тяжёлые створки массивных ворот, пропуская решительного иноземца. Ворота Мемфиса захлопнулись за спиной Ахеменида. Когда, наконец, впереди показались пристани великого Нила, несмотря на все усилия всадника, конь перешёл на шаг; навстречу им двигалась плотная толпа египтян, стремившихся укрыться за столичными стенами. На их лицах безумный ужас сменялся полным отчаянием. Они кричали, многие срывали с голов парики, размахивали руками, зывали к богам:

– Спаси нас великий Ра!

– Перс! Перс!

– Мы пропали!

Перс медленно продвигался между египтян, кругом царил паника. Увидев, что городские ворота закрыты, люди не знали, куда бежать и что им теперь делать. Мирная, веками не видевшая войны страна успела позабыть, с чем приходят иноземные захватчики. Для того чтобы захватывать новые земли у нубийцев или других народов, Египту даже не нужна была большая армия, и всегда война была где-то там, далеко! Но вот она пришла к беззаботным жителям Мемфиса. Войска Камбиза II поднялись вверх по Нилу и напали на столицу страны.

Ожидавший этих событий столько времени Ахеменид понял, что в его сердце нет и тени радости. Прежде он видел сражение только со стороны быстро наступавшей персидской армии. Он привык восхищаться кровавыми победами Кира и помыслить не мог о жизни, лишённой сраженья. Но теперь гордый потомок царей увидел войну совсем с другой стороны. Арсам поймал себя на сильном желании остановить наступающую армию своих соплеменников. Ахеменида ужаснуло его желание спасти египтян, не исключая даже старого Херихора.

В это время толпа рассеялась, перс хлопнул рукой по крупу коня, тот, почувствовав свободу, рванулся вперёд и вынес седока на дощатый настил пристани. На нильских просторах не осталось ни одной египетской лодки, а река была запружена финикийскими судами. Едва пристав к берегу, воины прыгали через высокие борта, бегом спешили к городу, их было много, очень много. Медленно и величаво к пирсу подплыла большая и самая нарядная ладья; слуги спустили сходни, выстроились вдоль пристани, согнувшись в низком поклоне. Арсам уже знал, что это означает, спокойно ждал появления своего завидовавшего славе Кира Великого дядюшки.

Высокий сутулый Камбиз появился в окружении своих придворных, такой разнряженный, словно собрался не на войну, а на свадьбу. Пустую пристань он окинул презрительным взглядом, сощурил глаза, буркнул что-то стоявшему рядом советнику. Когда ему на глаза попался всадник, спокойно возвышавшийся на высоком чёрном коне, лицо властителя полумира исказила досада.

– А этот почему не убежал? Он что, не знает, кто я такой?! – гнусаво обратился он к своим спутникам.

«Какие новые интонации», – отметил про себя потомок персидских царей.

– Мы сейчас всё выясним, – бросился оправдываться перед Камбизом его приближённый, – не может быть, чтобы он не узнал тебя, о владыка.

Незнакомый Арсаму неприятного вида, с короткой клочковатой бородкой, худой человек, в непомерно большом затканном золотыми звёздами халате опрометью бросился к не пожелавшему спешиться наглецу. Много таких угодливых лиц видел Ахеменид во дворце, он встретил посланца насмешливым вопросом:

– Не жмет ли тебе царский халат?

Приближённый Камбиза представить не мог такой наглости, замер в изумлении, а царственный дядя, наконец, признал племянника. Стряхнув жеманную лень, он расхохотался сильным низким голосом.

– А мы все уже считали тебя утонувшим! Неисповедимы пути Ахура Мазды! – весело приветствовал он Арсама.

Только теперь младший Ахеменид спрыгнул с коня, подошёл и поклонился царю. Камбиз окинул его взглядом с ног до головы, почесал свою кудрявую бороду.

– А тебе неплохо здесь жилось! – похлопал Арсама по плечу дядя.

– Неплохо, – согласился племянник и сразу спросил, – а вокруг тебя, я вижу, появились новые лица. Кто такой этот чужак в золотом халате?

– Уджагорресент.

– Тот, что изменил своему фараону? – поморщился перс. – Зачем тебе такие приближённые?

– На войне свои правила, – важно произнес Камбиз II, – он принёс мне победу

– А ты уверен, что он не продаст тебя, так же легко, как Псамметиха?

– Я не так наивен, как несчастный фараон, – сощурился Камбиз, – я помню, что с такими людьми нужен глаз да глаз.

– Тебе решать, – кивнул Арсам, – а вот я не хотел бы оказаться рядом с ним.

– Но пока это неизбежно для нас. Ведь мы не можем покинуть эту страну сразу после завоевания, – самодовольно улыбнулся царь Персии. – Тебе придется жить в моем дворце, неподалеку от честолюбивого египтянина.

– В ближайшее время я не хочу оставаться в Мемфисе.

– Отчего же?! – поразился Камбиз. – Где ещё в этой стране можно жить, если не в столице?

– Мне срочно нужно попасть на север, – серьёзно, почти с угрозой произнёс Арсам.

– Не иначе тебя зовёт чьё-то красивое личико! – рассмеялся царь персов. – Надеюсь, она молода и хороша собой! Египтяночке лет пятнадцать, да? Собираешься жениться, увести в Персию? – засыпал племянника вопросами Камбиз.

Влюблённый не хотел пускаться в объяснения про жену номарха Херихора. Он только упрямо опустил голову, и дядя решил оставить его в покое.

– Ладно, ладно, не смотри так на меня! Лети к своей египтяночке, многие из моих людей повезут домой в Персию египетских жен. То-то их первые жены обрадуются, – хохотнул царь, – но тебе проще, на родине тебя никто не ждет.

Торопливо распрощавшись с самодовольным завоевателем, Арсам помчался к лодкам. Весьма кстати его венценосный дядя подал незаметный знак, и одна из его нарядных ладей приняла на борт влюблённого племянника вместе с его скакуном. Гребцы навалились на вёсла, и отличное финикийское судно быстро понеслось вниз по Нилу, подгоняемое сильным течением. Ахеменид держал под уздцы волновавшегося коня, успокаивал его, уговаривал не бить копытом по днищу лодки, а ему самому всё казалось, что ладья движется слишком медленно, что берега застыли и почти не двигаются мимо. Перс гладил коня по красивой выгнутой шее, жадно смотрел на уже знакомые старенькие пристани. Вниз по течению финикийская ладья двигалась гораздо быстрее, чем лодки египтян поднимались вверх по реке, и всё же поместье Херихора было слишком далеко от столицы, и ночь застала Арсама в пути.

– Всё, надо высаживаться на берег, – категорично заявил рулевой, – двигаться дальше в темноте нельзя.

И как Арсам ни уговаривал сурового моряка, повторяя, что Нил – главная дорога для египтян, что они избороздили его на своих никчемных ладьях с очень тяжёлыми грузами, что никаких преград на этом участке реки нет и быть не может, финикиец наотрез отказывался двигаться в темноте. Он упрямо твердил, что и по знакомой-то воде не пойдёт ночью, а здесь он вовсе чужак и дела ему нет до того, что творят египтяне.

Ахемениду пришлось уступить, ладья пристала к берегу, и гребцы стали устраиваться на ночлег. Влюблённый готов был пешком бежать к прекрасной Анахит, но он слишком плохо ориентировался в этой враждебной стране. Боялся забрести в темноте совсем не туда, а то, что у него был конь, только помогло бы ему оказаться слишком далеко от любимой. Дорога по реке была гораздо надёжней, к тому же за всю ночь он вряд ли уехал бы дальше, чем они уплывут за несколько утренних

часов. Как назло, ночь была безлунной, и в двух шагах ничего нельзя было различить. Перс смирился с необходимостью ждать рассвета, но уснуть никак не мог; у Арсама даже не получалось закрыть глаза, он упрямо вглядывался в ночную тьму.

Неудивительно, что через некоторое время мрак вокруг него наполнился странными звуками и неясными силуэтами.

– Опять египетские демоны, – недовольно буркнул гордый потомок царей, – постеснялись бы при иноземцах.

– Вот ещё! Это моя страна, – возмутилась ночь.

Ахеменид сел, принялся крутить головой. Рядом никого не было, костерок догорал, слабый ночной ветерок едва слышно шелестел листьями папируса.

– К тому же все спят, – обыденно заметил невидимый гость.

Действительно, все, устроившиеся на берегу, финикийцы крепко спали, улёгшись прямо на земле. Пока Арсам смотрел на них, из темноты появился высокий огненно-волосый мужчина. Он уселся возле огня на сухую корягу, вздохнул устало. Перс сразу узнал его по невероятно длинным ушам.

– Сет?! А я ожидал снова увидеть Анубиса.

– Он теперь занят, нынче в загробном царстве много работы, – снова вздохнул яркоголовый бог.

– О чём грустить богу? – спросил перс.

– Страшные времена настали для моего народа.

– Ганнибал говорил, что именно ты покровительствуешь захватчикам. Недаром гиксосы насильно насаждали твой культ.

– С тех пор египтяне ненавидят меня, так же как самих захватчиков.

– Кто они были такие, эти гиксосы?

– Здесь так стали называть всех кочевников из Азии. Пройдут века, и от персидских завоеваний останутся только легенды о нашествии гиксосов.

– Нет, мы не кочевники! – возмутился зороастриец. – Кочевать грешно!

– Со временем люди всё забудут. Кто кем был, кто во что верил, – горько заметил Сет.

– Странные речи для бога.

– Страшно подумать, что станут говорить о нас люди.

– Тебе видней, – не стал спорить Ахеменид, – ведь боги знают будущее.

– Знают, – эхом отозвался красноголовый.

– Неужели будут молиться другому богу?! – сказал Арсам и сам ужаснулся этим словам.

– Он ещё не родился, – просто ответил Сет, – а пока...

Перс не услышал конца его мудрой фразы; разорвав тьму ночи, как тонкую ткань, из покрывавших берег зарослей папируса в освещённое

пламенем пятно прыгнула огромная кошачья тень. Необыкновенно крупная львица страшной тяжестью рухнула на Арсама. Ещё не успев понять, что произошло, Ахеменид оказался подмятым хищным зверем. Жуткие зубы блеснули у самого его лица, но к своему удивлению, он ощутил не тяжкую вонь дикого зверя, а приятное дуновение душистого масла, так любимого женщинами.

– Богиня?! – выдохнул перс. – Бастет?! – решил предположить он.

Львица втянула свои длинные острые когти, выражение её полных звериной злостью глаз смягчилось, потеплело. Бастет спросила на понятном человеческом языке, но в раскатах её голоса был слышан львиный рык:

– Ты её любишь?

Арсам ни мгновения не сомневался, о ком спрашивает египетская богиня.

– Люблю!

– Анахит молится за тебя, если бы не она...

Львица отпрянула, и мгновение спустя в золотых отблесках гаснущего костра предстала прекрасная и надменная богиня Бастет. Роскошные чёрные волосы густыми прядями спускались на плечи, тонкая тёмная ткань мягкими складками охватывала стройную фигуру, тяжёлые украшения сверкали красными камнями. Она ещё не сменила гнев на милость и сурово сверху вниз смотрела на иноземца.

– Ты оскорбил меня! Ты нарушил запрет! – напомнила богиня.

– Уж прости, откуда мне было знать, – миролюбиво произнёс Ахеменид и сразу всё испортил, добавив, – ты бы держала в этот день подальше своих львов, не мог же я ждать, пока он кого-нибудь сожрет, особенно Анахит.

Бастет готова была уже вернуть свой львиный облик и разорвать на куски дерзкого иноземца. Но влюблённые всегда были слабостью богини. И хоть сердечные дела были в подчинении других богов, она часто вмешивалась в их промысел, резонно полагая, что жизнь куда богаче, чем железные правила, охраняющие домашний очаг.

– Так ты не стал бы нарушать запрет, если бы знал о нём? – спросила она, готовая простить обидчика.

– Обязательно стал бы! – дерзко ответил Ахеменид, поднимаясь на ноги. – Я бы нарушил все запреты всех богов, чтобы спасти любимую.

Пафос его речей пришёлся по душе прекрасной богине. Гордой львице захотелось урчать, как довольной кошке.

– Любовь... – протянула она, – людям повезло, что боги наградили их этим чувством. Поспешите, она ждет тебя...

Слова эти донеслись уже из бархатно-чёрной ночной темноты, накрывшей потухшие угли костра. Боги исчезли, Арсам остался наедине с темнотой и тишиной. Все гребцы спали, сонный ветер плавно покачивал метёлки папируса, где-то рядом журчала река... Даже вороной конь

дремал, низко опустив красивую голову. Но всё это благостное спокойствие казалось влюблённому невыносимым. Он принялся толкать и будить тихонько похрапывавшего рулевого. Арсам был уверен, что на этот раз сумеет убедить здоровяка немедленно плыть дальше. Его усилия остались напрасными, люди спали, ночь была тиха и лишь бессонная река торопливо несла свои воды...

Глава двадцать шестая **СЕМЬЯ ХЕРИХОРА**

Когда горячие солнечные лучи коснулись его лица, влюблённый с возмущением обнаружил, что мирно спал недалеко от костерка.

– Как я мог уснуть и проспять так долго?! – ужасался он. – Почему никто меня не разбудил на рассвете?

– Не очень-то нам хотелось отправляться в дорогу в такую рань, – честно сознался финикийский рулевой, – люди были рады отдохнуть подольше. Я и сам проснулся совсем недавно.

Арсам не нашёлся, что сказать в ответ. Ахеменид догадался, что опять не обошлось без вмешательства лукавых египетских богов.

«Может, это и к лучшему, – подумал он, – эти демоны определённо знают, когда и что должно произойти».

Всё равно он не мог удержаться от того, чтобы торопить разленившихся финикийцев. Гордого потомка царей злила их медлительность и основательность. Они слишком долго поднимались, хлебали свою жидкую похлебку, скрипели чем-то на ладье, готовились к плаванию, словно к далёкому путешествию. Когда, наконец, судно неспешно двинулось вниз по Нилу, раздражение Арсама только усилилось. Ахеменид смотрел вокруг и видел знакомые места, до цели их плавания оставалось совсем немного.

– Если бы не проклятое упрямство рулевого, мы могли добраться уже вчера вечером, – рычал взбешённый перс.

Конь, казалось, прекрасно понимал, о чём он говорит, и в нетерпении перебирал ногами, предчувствуя, что вот-вот получит волю и понесётся во весь опор. Как только ладья пристала к давно знакомому причалу, Арсам вскочил на коня; он готов был уже нестись к Анахит, но вовремя спохватился: гордому Ахемениду вовсе не хотелось оказаться смешным, попытавшись ускакать прочь на стреноженном скакуне. С нарочито спокойным и гордым видом он спешил, освободил ноги коня и повернулся к рулевому:

– Будете ждать меня здесь, – властно приказал он, – я вернусь в течение дня.

Освобождённое животное радостно заржало и, послушное уверенному всаднику, перемахнуло через борт. Конь приземлился на старые прогнившие доски пристани, и они проломились от удара копыт.

Влюблённый этого даже не заметил. В мгновение ока всадник исчез в облаке пыли.

– Торопится царёв племянник, – скрипучим голосом заметил один из гребцов, – поглядеть бы, кто его там ждёт.

Ахеменид на всём скаку влетел на пустой двор номарха. Здесь всё оставалось прежним. Кирпичные стены построек, зеленоватая вода бассейна под жарко-жёлтым солнцем, тишина.

– Странно, – вырвалось у Арсама, – кажется, здесь всё мирно.

Он соскочил с коня, животное фыркало, недовольное тем, что дорога так быстро кончилась и снова придется ждать. Ахеменид потрепал его по шее и направился к дому, в ожидании скорой встречи с любимой.

Но вместо изящной женской фигуры в дверном проёме появился широкоплечий сутулый персидский воин. Влюблённый остолбенел, а незнакомец, заметив его, зарычал словно горный медведь.

– Ты ещё кто такой? Здесь всё наше, мы первые сюда пришли.

Мгновение гордый Ахеменид не знал, как достойно ответить на грубый выпад, но царская кровь подсказала ему, что делать. Ничего не ответив, Арсам спокойно, медленно подошёл к своему оставленному скакуну и взлетел на его спину. Теперь он мог без преувеличения смотреть на вооружённого громила свысока. Он собрал в кулак всю свою самоуверенность и надменность.

– Кто ты такой? – повторил громила уже с опаской.

– Так сколько вас здесь? – уверенно перевёл разговор племянник царя.

Воин откашлялся, растопырил пятерню, принялся загибать толстые пальцы, считать.

– Много, – подытожил он, окончательно запутавшись.

– Зови всех, – приказал Ахеменид, ещё толком не зная, зачем ему это нужно.

Солдат сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул; сразу же из разных построек на его зов показались человек пятнадцать таких же неприятных типов, вооружённых кто чем: персидскими коваными мечами, египетским оружием, похожим на серпы с длинной ручкой, какие Арсам видел только у солдат на реке, луками и короткими копьями.

– Что-то не похожи вы на солдат, – скептически заметил Ахеменид, – разбойничаете там, где прошла армия?

– А тебе-то что с того?! Нам здесь военачальников не надо. Командуйте теми, кому жалование платят, а нам и так неплохо, – враждебно хмурясь, прохрипел разбойник.

«Эх, сейчас бы мне не помешала помощь красноголового», – мелькнуло в голове у Арсама.

Но внешне он оставался надменно спокоен и делал вид, что его не волнуют окружающие его вооружённые люди.

– Лучше убирайся отсюда подобру-поздорову, – снисходительно посоветовал похожий на медведя громила.

Вместо ответа Арсам только угрожающе поднял на дыбы своего коня. Тяжёлые копыта мелькнули возле самого лица разбойника. Он понял, что безумный незнакомец, хоть у него в руках и нет оружия, без боя не уйдёт.

– Стой! – заревел громила и спросил с досадой. – Зачем тебе сдался этот пустой дом? Хозяева сбежали, прихватив всё ценное с собой. Нам осталось только кучка кошачьего дерьма в углу. Хошь поделюсь?!

– Так в доме никого нет?! – уточнил Ахеменид.

Разбойник отрицательно мотнул головой, и влюблённый сразу потерял к нему интерес, резко повернул коня, ударил пятками под бока и помчался прочь от двора номарха. Конечно, он не мог знать, где спасаются от войны родственники Херихора, но сердце настойчиво тянуло его на морской берег – любимое место Анахит. Конь стремительно нёс его к заветному месту.

Впереди уже был слышен мощный несмолкающий шум моря. Арсам первый раз был здесь днём и не узнавал таинственного уютного уголка. Ему хотелось громко звать любимую, однако осторожность требовала соблюдать тишину. Ахеменид осадил коня, осмотрелся. Каменистый высокий берег был пуст, только безутешные волны разбивались о гладкие валуны, и белесая пена лизала их бока. Особенно уныло днём выглядел причудливо изогнутый морскими ветрами ствол дикого кустарника.

Племянник царя Парсы был готов умчаться назад, переполненный отчаянием и неизвестностью, когда почувствовал, что его кто-то настойчиво потянул за халат. Всадник удивлённо посмотрел вниз. На него глянули огромные от страха глаза мальчишки-слуги номарха, так часто не вовремя поднимавшего шум.

– Дяденька, а вы нас будете убивать? – жалобно пискнул пацан.

«Теперь я – дяденька», – отметил про себя Ахеменид, а вслух спросил мальчишку:

– Кого это вас?

Египтянин помолчал мгновение и тут же выложил всё, что знал:

– Нас здесь всего четверо, когда узнали, что идут персы, сразу сбежали из дома, старая хозяйка приказала слугам оставленные номархом вещи утащить в дальний амбар, что на самом конце финиковой рощи, а сама забрала молодую невестку и внука, пошли они прятаться, куда глаза глядят, а я уж так, следом увязался, страшно оставаться в поместье, и с другими слугами идти страшно. Вдруг солдаты найдут вещи и всех поубивают.

– Это не персидские солдаты, – защитил своих соотечественников Арсам, – это воры и разбойники, таких у любого народа хватает.

– Разбойники?! – мальчугану стало ещё страшнее. – А они ещё ничего не нашли?

– Только привет от вашей кошки, – улыбнулся Арсам.

– Это я нарочно не убрал, – потупился маленький убау.

– А где же твои хозяйки? – взволновано спросил влюблённый, не решаясь назвать имя Анахит.

Пацан напустил на себя загадочный вид, почесал кончик носа, помолчал для солидности, потом сознался:

– Да здесь они, недалеко. Сбереглись в рыбацкой развалюхе. Там уж давно никто не живет. Мамаша Херихора так ругалась, что ей придётся оставаться в этом дурном месте неизвестно сколько.

– А... молодая госпожа?

– Она сама кротость, только вздыхает горько, будто какую-то тайну хранит, может за мужа переживает, – предположил маленький египтянин.

Влюблённый не мог больше оставаться на месте, легко подсадил мальчишку к себе на коня, потребовал:

– Показывай дорогу.

Мальчуган задохнулся от счастья. Вот уж он не рассчитывал хоть когда-нибудь вместо того, чтобы топтать пешком, ехать на красивом жеребце, словно фараон. Он даже забыл, для чего иноземец посадил его на спину скакуна, с восторженным видом крутил головой, смотрел во все глаза и рот открыл от восхищенья.

– Ух, ты! Ух, ты! – приговаривал он. – До чего далеко видно!

Конь нетерпеливо вскинул голову, перебирая копытами; маленький египтянин испугался, едва не свалился вниз.

– Чего это он? – тихонько спросил он у Арсама.

Того позабавила реакция мальчишки, и он рискнул напугать его ещё больше, двинув коня вдоль берега. Первый раз сидевший верхом слуга номарха дара речи решился от избытка эмоций. Нелегко было персу дознаться у ошалевшего мальчишки, куда ехать дальше. К счастью, он сам догадался, что называться рыбацким домиком могло только одинокое покосившееся строение у самой кромки воды. Стены его были такими же песочно-жёлтыми, как все дома в этой стране. Крышу заменяли неаккуратно наваленные длинные пальмовые ветви, высохшие на солнце и ставшие такими же жёлтыми, вокруг торчали длинные колья, на которых рыбак раньше сушил свои сети. Конь легко и очень быстро оставил позади длинный кусок вылизанного волнами берега и громким ржанием оповестил обитателей рыбацкой лачуги о своём прибытии. Ахеменид спешил, хотел помочь спуститься расстроенному концом путешествия мальчику, когда его остановил громкий оклик.

– Оставь ребёнка в покое! И убирайся прочь!

Удивлённый потомок царей Парсы через плечо посмотрел на кричавшего. Им оказался неожиданно ставший воинственным худой сынок Херихора. Разглядев, на кого напустился, он громко сглотнул и попятился обратно в дом. На помощь внуку пришла его грозная бабушка.

– Кто здесь?! – зло прокаркала она, высовывая голову из-за плеча Петубаста.

Узнав недавнего раба, старуха так же, как её внук, громко сглотнув, стала пятиться назад. Арсам сделал уже шаг следом за ними, когда услышал жалобное:

– Эй, а как же я? Я боюсь! Он так дышит...

На мгновение задержавшись, для того чтобы помочь перепуганному мальчишке, влюблённый вошёл в рыбацкий домик. Анахит уже давно услышала его голос, её сердце забилося с бешеной силой; чтобы унять его, женщина прижала руку к груди, опустилась на обрубок пальмового ствола, заменявший в этом доме мебель. Старуха и её внук бешеными глазами уставились на вошедшего. Влюблённый даже растерялся под их строгими взглядами.

– Я приехал, – начал он, откашлявшись, – за Анахит...

Мать номарха не дала ему договорить, выскочила вперёд и запричитала.

– Ну, наконец-то Херихор прислал за женой! Давно пора!

– Ему сейчас не до этого, – усмехнулся Ахеменид, – в Мемфисе войска Камбиза.

Убаинер разочарованно хмыкнула и многозначительно посмотрела на молодую невестку.

– Поедешь?! – в вопросе звучала вся желчь её возраста.

– Поеду, – решительно ответила супруга номарха.

Ничего толком не понявший, Петубаст беспокоился совсем о другом:

– А как же мы... а мы теперь куда? Если в столице войска, нам же нельзя... может, вернёмся в поместье?

– В вашем поместье орудует шайка разбойников, туда возвращаться не стоит, – отсоветовал перс.

– Мы не можем просто оставить их здесь, – вступилась за египтян Анахит, – помоги им.

Её голос звучал мягко, но очень серьёзно. Потомок персидских царей понятия не имел, что ему делать со старой матерью египетского номарха и её внучком. Ему оставалось только прихватить их с собой на ладью.

– Но как мы туда доберёмся? – растерялся он. – Глупо возвращаться так, как я сюда попал, мимо поместья, полного разбойников. Они меня и одного-то пропустили, мягко говоря, неохотно.

– Я знаю, я знаю!

Маленький любитель пошуметь снова без приглашения влез в разговор хозяев. Он не утерпел, вместо того, чтобы ждать снаружи, незаметно юркнул внутрь рыбацкой хижины. Услышав звонкий голосок, все разом повернулись к нему.

– Я знаю, – не смутился мальчуган, – я знаю одну укромную тропинку, которая ведёт к пристани, минуя поместья номарха.

– Так вот как вы выносили с плантации финики! – зло зашипела старуха.

– Не до этого сейчас, – одёрнула её Анахит.

Привыкшая командовать, мать Херихора так и не поняла, что ситуация резко изменилась, и не хотела мириться с тем, что не она теперь главная. Убаинер набрала в грудь воздуха для того, чтобы обрушить своё возмущение на дерзкую невестку, но куда более сообразительный внук шикнул на свою строгую бабушку, и она резко смолкла, возмущённая его поведением.

– Тогда идём, – решил Ахеменид.

И его маленький отряд по едва заметной тропке двинулся к великому Нилу. Впереди, раздуваясь от важности, вышагивал крохотный проводник; за ним перс вёл в поводу своего коня, на котором ни жива ни мертва от страха замерла его любимая, она впервые сидела на спине этого, казавшегося ей огромным, сильного животного. Арсаму и в голову не могло придти, что коней можно бояться. Последними на почтительном расстоянии от вороного красавца плелись Убаинер и Петубаст. Их тоже обуревал страх перед рвавшим узду жеребцом, но остаться одни они боялись ещё больше. Короткая тропинка нырнула между рядами финиковых пальм и удивительно быстро вывела беглецов к пристани. Вид громадного незнакомого судна с бородатými гребцами вдоль высоких бортов вызвали у египтян новый приступ ужаса. А финикийцы, завидев странную процессию, принялись шушукаться и пересмеиваться. Молодые моряки с одобрением поглядывали на красивую женщину и шумно выражали недоумение, рассматривая костлявую старуху и нескладного подростка. Они осторожно умолкли только тогда, когда беглецы поднялись на борт.

Оставив египтян на корме, влюблённый увел Анахит на нос ладьи. Женщина вела себя отстранённо и холодно. Арсам не мог удержаться от расспросов:

– Что случилось? Ты стала такой чужой.

Красавица долго молчала, смотрела на бежавшую за бортом зелёную воду. Произнесла, тяжело вздохнув:

– Ты... иноземец... перс...

– Ты ведь и раньше это знала, что же изменилось теперь? – поразился Ахеменид.

– Понимаешь... теперь ты – враг, захватчик. Персы творят зло: они убивают, жгут дома, грабят... я не могу относиться к тебе, как раньше.

– Но ведь я не изменился, я такой же как прежде! Я только твой Арсам!

– Ты племянник царя Камбиза.

– При чём здесь он?! – недоумевал влюблённый. – На всей земле сейчас есть только мы! И никто – ни персидский царь, ни Херихор – не могут нам помешать.

Напоминание о номархе заставило Анахит нахмуриться.

– Даже не знаю, что с ним теперь, а ведь я его жена, – вздохнула она.

– Надеюсь, уже вдова, – зло улыбнулся Ахеменид.

– Ты жесток, как все воины, я ведь совсем не знаю тебя. Всё изменилось и... Я боюсь...

– Чего? – не мог понять счастливый влюблённый. – Мы ведь теперь вместе!

– Я не знаю, нужна ли я тебе теперь...

– Я же приехал за тобой! И даже спасаю этих... – перс кивнул в сторону кормы.

– И всё же я не могу быть такой, как прежде... всё изменилось.

– Какое нам дело до войны царей?! – воскликнул Арсам. – Разве может кто-то повлиять на наши чувства?!

Женщина отстранила его горячие объятия.

– Давай не будем торопиться! Пусть будущее рассудит нас, – нежно попросила красавица.

Ахеменид был готов упрекнуть любимую за то, что прежде она была гораздо решительней, когда с кормы раздался истошный вопль. Отчаянно кричала мать Херихора. Оказалось, до её внука вдруг дошла вся серьёзность положения, в которое они попали, и решительный подросток не придумал ничего лучше, как броситься за борт.

– Подарочек Ахримана! – с досадой выругался зороастриец. – Только этого мне не хватало!

Один из гребцов, уверенный, что все пассажиры очень дороги царскому родичу, бросился в воду, спасать египтянина. Финикийцы подняли весла, и течение вернуло ладью назад, к тому месту, где в реке барахтался незадачливый сын номарха. Вскоре он стоял на палубе рядом со своим спасителем. Вид подросток имел жалкий. Вода стекала с него ручьями, он весь трясся и стучал зубами.

– Ему что, тоже предсказали мокрую смерть?! – смерил Арсам презрительным взглядом Петубаста.

– Любой египтянин считает очень достойным утонуть в Великой реке, – объяснила Анахит.

Старуха кружилась около своего промокшего внука, не переставая громко причитать.

– Ой, что ж ты творишь, окаянный?! Вот я твоему отцу расскажу, прикажет тебя бить палками. Вот будет тебе урок!

Финикийцы не сдерживали весёлого хохота, глядя на то, как она взмахивает руками, словно морщинистая уродливая птица, то хромает, то подпрыгивает от полноты чувств. Забытая гребцами ладья продолжала плыть во власти сильного низкого течения. Пока рулевой своим зычным окриком не прекратил веселье. Финикийцы привычно налегли на весла, и судно снова стало продвигаться всё ближе и ближе к египетской столице.

Остаток долгого пути Арсам не решался даже подойти к строгой и грустной Анахит. А она молча ждала, что он, как всегда, поступит решительно, наплевав на запрет. Самому персу казалось, что хитрые боги Египта его подменили. Племянник Камбиза привык считать себя правым,

не знал сомнений, действовал стремительно и уверенно. Теперь же он стоял на палубе, смотрел на быстро скользящую мимо речную гладь, прислушивался к мерным всплескам вёсел, погрузившись в глубокую задумчивость. Ахемениды тревожили странные для него мысли, подвиги великих завоевателей неожиданно предстали с другой стороны. Забыв о праздничных шествиях победителей, нагруженных завоёванными богатствами, он ясно видел земли, которые они оставили за спиной. Разрушенную, поруганную мирную жизнь: вытопанные поля, сожжённые дома, убитых жителей...

Глава двадцать седьмая ЗАВОЕВАТЕЛИ

В Мемфисе по-прежнему царил хаос. Казалось, толпы персидских солдат не могут найти себе места, бродят по улице, разрушая то, что попадалось на глаза. После них оставались покалеченные статуи богов: с отбитыми носами, ушами, руками; испачканные фрески на стенах, даже поваленные колонны. Бесчинства иноземцев были грубы и бессмысленны, как поведение всех завоевателей. Они уже устали грабить, но вместо того, чтобы найти себе пристанище и отдохнуть, бесцельно бродили по улице. Египтян же вовсе не было видно. Они все затаились где-то по подвалам и укромным уголкам.

На реке у столичной пристани не осталось ни одной египетской ладьи. Зато толпился почти весь финикийский флот. Пристав к дальнему заброшенному причалу, путешественники вступили на его скрипучие прогнившие доски. Гребцы сразу отправились в одну сторону, а Ахеменид вместе с семейством номарха – в другую. Город встретил их висевшей в воздухе пылью разрушений, криками перебравших вина солдат и надменным молчанием каменных храмов.

– Как здесь жутко!

Анахит схватила перса за руку, старуха зло глянула на неё, но благоразумно промолчала, позволив себе только фыркнуть так громко, чтоб невестка заметила. Всем было не до её раздражений. Сын Херихора снова принялся стучать зубами, словно только что выбрался из воды, а маленький слуга, как ни старался, не мог сдержать испуганных восклицаний:

– Страх какой! Гляди! Анубису нос отбили! Вот он им отомстит!

– Тише! – одёрнула его Анахит. – Не стоит привлекать к себе внимание.

Шагавшие им навстречу четверо персидских солдат угрожающе внимательно принялись рассматривать египтян. Хищно оскалившись, один из них уже двинулся к путникам, но вовремя заметил шедшего рядом с вороным конём перса в дорогом халате. Солдаты поклонились и уступили дорогу, но они не могли скрыть своего недоумения и досады.

Арсам старался выглядеть уверенным, шествовал с надменным видом, гордо подняв голову и выпятив грудь колесом. Но он пока так толком и не знал, куда ведёт коня с его драгоценной ношей. Поспешно покинув Мемфис, он так и не удосужился выяснить, какой из дворцов фараонов облюбовал себе Камбиз и найдётся ли там место царскому племяннику. Ахеменид надеялся, что, следуя традициям великого Кира, его родственник не тронет, по крайней мере, высшую знать, и собирался просто передать с рук на руки Херихору его престарелую мамашу и сына.

К немалому разочарованию перса памятный, украшенный колоннами дворец номарха был абсолютно пуст. Это стало заметно ещё издалека. По двору не сновали торопливые убау, дверные проёмы зияли глухой темнотой, коновязь была сломана, барельефы на стенах повреждены и даже одна из колонн угрожающе накренилась, придавая виду запустения ещё большую безнадежность.

- Куда же мы теперь? – упавшим голосом простонала Убаинер.
- Нас здесь убьют! – жалобно протянул Петубаст.
- Мы можем спрятаться, – предложил неунывающий маленький слуга.
- Нас найдут, и всё равно убьют! – гнусавил парень.
- Всё! Не ныть! – оборвал жалобы Арсам. – Идём дальше.
- Куда? – безрадостно вопрошал сын номарха.

Ответа на этот вопрос Ахеменид ещё не знал. Он молча потянул коня за уздцы, поднял глаза на бледную и усталую красавицу, прибавил шаг.

- Идём, быстрее. Надо только спросить дорогу.

Едва выйдя из распахнутых ворот заброшенного дворца, они наткнулись на новую ватагу персидских солдат; в одном из оставленных хозяевами домов им повезло наткнуться на винный погребок, и вояки забыли меру. Двое из них едва держались на ногах, третий так широко жестикулировал, словно отмахивался от роя пчёл, ещё двое громко общались, но каждый из них беседовал только сам с собой, не слыша остальных. Арсам напрасно пытался определить, кто из пьяниц трезвее. Не особенно веря в успех, он обратился сразу ко всем.

- В какую сторону мне идти, чтоб добраться до дворца царя Камбиза?

Любители вина расплылись в счастливейших улыбках и радушно указали направление. Все в разные стороны. Уверенные, что прекрасно помогли соплеменнику, они, всё такие же счастливые, двинулись дальше по улице.

Их воодушевление выглядело так забавно, что Анахит, глядя на них, невольно улыбнулась. Ободрённый этой улыбкой, Арсам повёл свой маленький отряд туда, где, по его понятию, должен был поселиться любой уважающий себя царь. Впереди высоко возвышался над крышами торжественный фасад огромного дворца. Первый раз попавшему в Мемфис персу не хотелось ошибиться, но уточнить было совсем не у кого. Все его спутники видели египетскую столицу так же впервые.

К счастью, вскоре Ахеменид различил впереди знакомый силуэт. Племянник царя даже не помнил имени этого приближённого, знал только, что всегда видел его рядом с честолюбивым сыном Кира. Полный бладушный сановник тоже издали признал царского родственника. Мелко, по-женски, ступая, он поспешил к члену правящей династии. Не дойдя нескольких шагов, принялся торопливо кланяться и улыбаться с виноватым видом, не размыкая толстых губ. Сановник в расшитом шёлковыми узорами халате был знатоком дворцового этикета и всё же не смог скрыть недоумения.

– Эти люди с тобой, о молодой лев? Зачем они тебе?

– Это моё дело! – надменно откликнулся Ахеменид.

– О, конечно, – снова принялся кланяться сановник, – но среди захваченных в этой стране людей найдутся куда более достойные, чем старуха и дети.

– Они не пленники.

– Мне, недостойному, не понять твоей мудрости, – заискивал приближённый Камбиза.

Арсаму был неприятен этот униженно улыбающийся человек, который, несмотря на свой преклонный возраст, готов был ловить каждое слово молодого Ахемениды. Племянник Камбиза и без того чувствовал себя неуютно. Ответственность за беспомощное семейство египетского номарха мешало гордому сыну Парсы больше, чем недавние оковы. Его воспитывали как будущего царя, Арсам готов был командовать огромными армиями, а эта кучка людей...

– Куда же вы сейчас направляетесь? – приторно-сладко улыбнулся сановник.

– Я должен занять своё место в свите Камбиза II, – надменно произнёс Ахеменид, – проводи меня во дворец.

– О, разумеется, дядя будет рад тебя видеть.

Пухлый царедворец подобострастно посмотрел на собеседника. Мелко закивал и засеменил к тому самому дворцу, который показался Арсаму подходящим для царя Персии. По прямой, как стрела, широкой столичной улице гости Мемфиса быстро добрались до громадного дворца фараона. Он был обнесён кирпичной стеной с воротами между массивных башен. За ними расстилался широкий двор, на него выходил нарядный фасад дворца. Украшавшие его рельефы красноречиво свидетельствовали о могуществе фараона. На них правитель избивал врагов булавой, в сопровождении блестящего эскорта посещал свои конюшни, в боевых доспехах готовился повести войска в бой. В середине фасада был пристроен богато изукрашенный балкон для появления царя перед народом, под балконом четыре изящные колонки в форме стеблей папируса несли трехчастный рельеф: в нижнем регистре был изображён крылатый солнечный диск, в среднем – пальмы, а верхнем – уреи с солнечными дисками на головах. Возле ступеней дворца перс помог

возлюбленной спуститься с коня, кинул поводья подбежавшему слуге, все вместе они вошли под своды жилища фараонов.

Никогда не думала Анахит, что она окажется так близко от палат самого родственника богов, что ступит на зеркально ровные плиты, покрывавшие двор властителей Египта. Не могла она даже мечтать увидеть когда-нибудь прекрасной работы статуи и барельефы, украшавшие стены дворца. Ею овладел священный ужас, когда прямо в глаза глянули строгие каменные изваяния, до того точно изображавшие прежних фараонов, что их трудно было отличить от живых людей. Казалось, царицы, жёны властителей, смотрели ей вслед, придирчиво изучая каждую складку одежды молодой красавицы. Анахит готова была поклясться, что каменные владычицы ревнуют.

А старая мать Херихора всё пыталась прикинуть в уме, сколько могут стоить тяжёлые, шитые золотом и драгоценными камнями занавеси. На них неизвестный художник живо изобразил, как сияющий ярче солнца царственный потомок бога Ра одним своим видом повергает наземь полчища врагов. Проникший через высоко-узкое окно солнечный луч скользнул по золотым нитям, и они вспыхнули, как пламя. Старуха сосредоточенно жевала губами и загибала пальцы. Её внук просто был не в силах закрыть рот. А маленький слуга вертелся как волчок, боясь пропустить хоть одну мелочь.

– Ух, ты! – то и дело громко вырывалось у него.

Женщины принимались на него шикать, мальчонка послушно замолкал, но вскоре увидев огромную полупрозрачную алебастровую вазу, не мог утерпеть и снова вздыхал.

– Вот это да!

Или восклицал тоненько:

– Ой, мамочки! Фараон как живой! Глазища-то, глазища!

Угодливый сановник проводил Арсама до самых дверей покоев, которые выделил для него Камбиз. Просторные нарядные комнаты с удобными креслами, опиравшимися на львиные лапы, изящными столиками вдоль стен, большими зеркалами, громадными каменными вазами и украшенными резьбой сундуками, наверняка полными разных диковин, вызвали у египтян ещё большее восхищение. Плиты пола были устланы новыми разноцветными циновками, поверх которых валялись десятки ярких шёлковых подушек.

– И это всё твоё?! – не поверив, спросил мальчик, потянув Арсама за халат.

– Это всё царское, – поправил его Ахеменид, – но пока мы будем здесь жить.

– Мы все?! – ахнул мальчик.

– В этих покоях десять комнат, не меньше пяти кроватей и бассейн для омовений, – деловито отметил царский сановник.

– Потолки-то какие высокие – в темноте теряются! – рассматривал хоромы мальчик. – Хорошо здесь, прохладно, не то что на улице.

– Ладно, располагайтесь пока, а я пойду, поговорю с дядей.

То, что Арсам фамильярно назвал царя просто дядей, произвело на сановника колоссальное впечатление. Он вытянул губы трубочкой и закачался из стороны в сторону, словно поражённо затаив заунывное:

– О-оо-о.

Презрительно глянув на его чудачество, родственник царя приказал коротко:

– Веди.

Расшитый халат царедворца заволновался, словно хозяин готов был выпрыгнуть из него. Пухлые щёки персидского сановника покрылись ярким румянцем, и он затараторил:

– К царю, в такой час... боюсь... никому нельзя...

– Мне можно, – самоуверенно заявил Ахеменид.

Не сочтя возможным спорить, царедворец засеменял через бесконечные амфилады комнат, пухлой ручкой приглашая царского родственника следовать за собой. Ахеменид невольно отмечал, что хваленые богатства египетских фараонов должны быть где-то надёжно спрятаны, если дворец так заметно уступает в великолепии и удобстве привычной для него роскоши царских жилищ в Экбатанах и Пасаргадах. Великолепные статуи, стоявшие вдоль стен, казались персу слишком статичными, замершими в неестественных позах. Жителю Азии было гораздо ближе желание скульптура остановить мгновение, изображая живых людей. Длинные переходы дворца тонули во мраке, персы не умели пользоваться сложной египетской системой зеркал, а хозяева не спешили открывать завоевателям свои тайны. Арсам шагал за невысоким полным сановником и надменно оглядывал творения египетских мастеров, слушая звук своих шагов, нарушавший сонную тишину.

– Защити! – лёгким порывом ветра пронеслось над его головой.

Арсам внимательней всмотрелся в полумрак большого зала. Ему показалось, что красивая голова богини-львицы Хатхор повернулась к нему и повторила:

– Защити!

Сановник ничего не заметил, деловито семенил впереди. Ахеменид различил среди каменных статуй элегантный силуэт изящной богини кошки. Она обратила к нему лицо, шепнула:

– Защити!

Грозная богиня Тefнунт посмотрела на иноземца свысока, и ему вновь послышалось:

– Защити!

Ахеменид тряхнул головой:

«Чего только не померещится в этом странном краю».

Но гордому персу польстило внимание стольких египетских властителей. Он бы отмахнулся и забыл о странном видении, если бы его смысл не был так понятен для недавнего египетского пленника. И к покоям своего царственного родственника Арсам подошёл, уже точно зная, что разговор поведёт не о военных победах Камбиза II. У входа гостям преградили дорогу двое высоченных, как статуи египетских богов, охранников. На их лицах лежала печать надёжности и хмурой тупости. Сановник помахал пухлой ручкой, громилы расступились, пропуская Ахемениду, а сам проводник дальше не пошёл. Арсам успел заметить, как при его появлении молодая наложница царя метнулась во внутренние покои. В большой комнате осталось облачко терпкого аромата её душистых масел и эхо от её звонкого смеха. Племянник подошёл к Камбизу, тот возлежал на широком ложе, усыпанном яркими шелками и горой подушек. На лице царя застыло самодовольство и лень. Арсам разом сорвал с его это выражение:

– Ты не достоин быть наследником Кира Великого!

Камбиз поперхнулся от неожиданности, прохрипел жалобно:

– Что... что ты такое говоришь?!

– Ты недостоин.

Правитель пришёл в себя и заревел взбешённо:

– Ты... твой дед – царь маленькой провинции Парсы, а мой отец Кир II – был властелином половины мира. Как ты смеешь?!

– Конечно, тебе я только племянник, но выходит, я лучше тебя помню, чему учил великий завоеватель, – смело ответил Арсам, – ты видел, что творится в городе?!

– Ах, это... – смягчился царь, – я отдал Мемфис солдатам, как поступают все победители.

– Все, кроме твоего отца! Вспомни! Кир никогда не позволял грабить храмы и крушить статуи богов.

– Ну что я могу поделать? – зевнул Камбиз.

– Запрети своим людям, тогда весь Египет будет на твоей стороне! Ведь ты же хотел править этой землей.

– Я не хотел завоевывать эту страну, я должен был её получить в наследство от Априя, ведь у него не было наследников мужского пола, а я для того и женился на его дочери Нитетис, чтобы после смерти фараона унаследовать трон. Ведь я именно так получил от Киаксара Мидию – в качестве приданого за его дочь Кассандру. Во всем виноват Априй!!!

– Так выпори Априя!

Арсам сам рассмеялся этой неожиданно пришедшей ему в голову идее.

– Но я не могу, он вовремя помер! – весело заметил Камбиз.

Но мысль выпороть египетского фараона, словно мальчишку, пришлась ему по душе, и он произнёс мечтательно:

– Наказать его, конечно, было бы великолепно, но... представляешь себе, насколько за эти годы должен был разложиться его труп в такой жаре. Фу-у-у!

– Ты забыл, что египтяне мумифицируют своих покойников, Априй лежит сейчас в своей гробнице, сухонький и свеженький.

– Ему же хуже! Теперь я обязательно доберусь до вредного фараонишки! – пригрозил Камбиз.

– Ты же сам хотел стать фараоном Египта, – напомнил родственнику Арсам, – а здешние правители считаются потомками тех самых богов, храмы которых сейчас превращают в руины твои солдаты.

– Назваться полубогом очень заманчиво, – рассуждал царь, – тут ты, пожалуй, прав, надо бы с этими богами поаккуратней, но они же демоны! Вдруг Ахура Мазда накажет меня за излишнюю доброту к ним.

– Зато Ахриман точно будет очень рад тому злу, которое творится сейчас в Мемфисе по твоей воле.

– Вот взялся меня поучать, – возмутился сын Кира, – а сам-то на кого похож?! Уж точно не на зороастрийца.

Арсам сразу понял, что он имел в виду, и поспешил оправдаться.

– Мой пояс унесло морем, когда я чудом спасся после крушения ладьи.

– Зато твой халат вовсе не выглядит пострадавшим, – сощурился царь.

– Мне трудно это объяснить, – смутился любимец египетских богов, – он был сильно порван... потом я утопил его в Ниле... а нашел совсем недавно здесь...

Камбиз ничего не понял и ничему не поверил.

– Так ты бывал здесь раньше?

– Нет, я жил всё это время ниже по течению.

– Халат потерял там, а нашёл здесь, – уточнил владыка персов.

Арсаму показалось, что он сам тонет в этой истории, как в реке или в зыбучих песках. Честный зороастриец не находил слов, чтоб объяснить свои египетские странности. А благодушно настроенному Камбизу вовсе не хотелось вдаваться во всякие сложные подробности. Он просто полез куда-то в ворох подушек и вынырнул оттуда с роскошным царским поясом в руке.

– Настоящему зороастрийцу нельзя без пояса. Как же ты будешь молиться? Возьми мой, – улыбнулся царь, протягивая племяннику дорогой подарок.

Арсам с поклоном принял густо расшитый яркими узорами кусок ткани и сразу подпоясался, как велел персидский обычай.

– Так то лучше, – одобрил Камбиз II, – а то твердишь, как заведённый – египетские боги, египетские боги...

Он громко хлопнул в ладоши, тут же рядом возник и сразу склонился до самой земли слуга. Даже не глянув в его сторону, царь приказал:

– Писца ко мне, немедленно.

Слуга исчез, и вскоре на его месте возник маленький сухонький старичок, вооружённый всеми атрибутами писаря: с кисточками за ухом, глиняными табличками, стеками, кусками пергамента и даже белой китайской бумагой.

– Что прикажет писать господин? – дребезжащим голосом спросил он.

– Пиши царский указ, – важно произнёс Камбиз.

Старичок разложил перед собой кусок пергамента.

– Я... – начал персидский царь, – дальше сам знаешь. Перечисляй по всем правилам мои владения и добавь «владыка Египта»...

Писарь поспешно взмахнул кистью, Камбиз выждал, пока он закончит с пышными титулами, и продолжил:

– Повелеваю разграбление Мемфиса прекратить, бесчинство наказать и солдатам вернуться к своим командирам, золото похищенное из египетских храмов – вернуть... Заканчивай как обычно, чтоб послушаться никто не посмел.

Старичок так старался угодить грозному владыке, быстро и правильно выводил царские слова, что, закончив, рукавом вытер пот, а безжалостный Камбиз потребовал:

– Возьми еще лист, пиши второй указ: пусть слуги подготовят всё для коронации, хочу быть фараоном верхнего и нижнего Египта, да пусть расспросят местных жрецов, как это у них заведено. Мы должны соблюсти все правила.

Писец отложил кисть, вооружился длинным павлиньим пером; над этим пергаментом он возился ещё дольше, задумывался, жевал конец павлиньего пера. К концу работы испортил его совсем, царь посмотрел на это презрительно и велел:

– Возьми другое перо.

– Ещё указ? – испугался старик.

– Последний пока, – успокоил его Камбиз. – Хочу посетить могилу фараона Априя, это должно остаться в истории. Пусть организуют мне поездку в город мёртвых.

Насмешливо улыбаясь, Камбиз повернулся к Арсаму:

– Ну, что, теперь доволен, защитник Египта?

– Оставь это звание себе, о мудрейший, – с улыбкой поклонился царю Арсам.

Глава двадцать восьмая ГАННИБАЛ

Ахеменид вышел из душных покоев грозного завоевателя. Его встретил подобострастный взгляд тучного сановника.

– Ну что, побеседовали? – масляно улыбаясь, осведомился он.

Царский племянник только кивнул, царедворец снова хотел быть полезным:

– Пойдём, я покажу обратный путь. Дворцы египтян так несуразны и запутанны, – закатил глазки перс.

В знакомых покоях стоял мрак и тишина.

– Где же все?! – испугался влюблённый.

– Не волнуйся, не волнуйся, все здесь, я точно знаю, никто не уходил, – сладко улыбнулся сановник, – думаю, гости устали с дороги и разбрелись спать. Мудрейшее решение! Ты, молодой лев, тоже последуй ему.

– Пожалуй, – устало согласился Ахеменид.

– Здесь никто вас не потревожит.

Сановник пышно откланялся и засеменил куда-то во тьму коридора. Привыкший к простому быту хенуу Арсам не стал разыскивать пышное ложе и привычно повалился спать на циновку в центре большого приёмного зала. Засыпая, он думал о том, как хорошо было бы сейчас подойти к спящей Анахит полюбоваться её длинными ресницами, нежной как персик кожей...

Едва забрезжил рассвет нового дня, Арсам, рассудив, что теперь во дворце Камбиза его любимая в полной безопасности, приказал вездесущему царедворцу:

– Проводи меня к выходу, да вели снарядить колесницу, поеду в город.

– Прекрасное решение, – закивал царедворец, – но, может быть, сперва позавтракать? На кухне готова прекрасная трапеза из пятнадцати блюд.

– Отправьте всё, что наготовили, в мои покои, пусть там поедят, – распорядился племянник Камбиза.

Когда Арсам вышел на залитую утренним ярким солнцем лестницу перед дворцом властителей Египта, он с удивлением обнаружил, что у её подножья вокруг нарядной колесницы из конюшни фараона его ожидает целый отряд персидских солдат, не выспавшихся, хмурых и до зубов вооружённых.

– Зачем всё это? – раздражённо спросил он у склонившегося в поклоне царского сановника.

– В городе беспокойно, повелитель опасается за вашу жизнь.

– Я сам позабочусь о своей жизни, – заверил его Арсам.

Он сбежал вниз по широким ступеням, вскочил в колесницу и хлестнул лошадей. Они стрелой сорвались с места и помчались по прямой широкой главной улице Мемфиса. Растерянный царедворец вместе с солдатами остался далеко позади. У Ахеменида не было точного плана, он только знал, что непременно должен найти Ганнибала. Но где искать друга? Ведь Арсам видел, что во дворце Херихора не осталось ни одной живой души: ни хозяев, ни слуг.

Колесница быстро катилась по опустевшему городу. Арсам кружил между брошенными дворцами и помрачневшими храмами. Ещё раз убедившись, что столичный дом Херихора пуст, он решил посетить последнее место, известное ему в этом городе, и направил колесницу к

дворцу Хефрона, конюшего фараона Псаметиха. По свободным от горожан улицам кони несли перса галопом, и на этот раз он преодолел знакомый путь вдвое быстрее.

За воротами перед Ахеменидом предстал широкий двор египетского сановника. И здесь не было ни души: ни слуг, ни хозяев, ни солдат. Только пара брошенных корзин, рваная циновка, порванная упряжь. В самой середине вымощенного каменными плитами двора внимание путника привлёк громоздкий предмет. Арсам подъехал ближе, спрыгнул с колесницы; сомнений быть не могло, перед ним лежал на боку многострадальный сундук Херихора. Тяжёлая крышка была отброшена, и перс не без трепета заглянул внутрь загадочного ящика. Там было пусто! Абсолютно пусто!!

– Как же его умудрились открыть?! – не сдержал восклицания Ахеменид. – Я же слышал, что замок опять защёлкнулся.

Перс снова заглянул в сундук, словно ожидал на этот раз увидеть другую картину. Но всё было по-прежнему. Недра реликвии номарха зияли пустотой. В нос любопытному Арсаму ударил сильный запах пряностей и старого дерева, стенки потемнели от времени.

– Так и не узнаю, что же здесь было, – вздохнул бывший хенуу, – и чего ради мы таскали этот ящик туда-сюда?! Жаль, Ганнибалу нечего будет рассказать.

Он с досадой пнул обитую медью громадину, в ответ раздался омерзительный скрежет.

– Что ещё? – насторожился перс.

Уже без интереса, на всякий случай, он вновь заглянул в ненавистный сундук и ахнул. Недаром конструкция казалась такой тяжёлой, у реликвии Херихора открылось второе дно. Арсам приподнял переборку, расширяя открывшуюся щель. Из лежавшего на боку ящика ему под ноги посыпались светлые перламутровые шарики. Десятки, сотни крупных ровных жемчужин раскатились по каменным плитам.

– Какое великолепие! – вырвалось у бывшего пленника Херихора. – Так старый номарх баснословно богат! А Убаинер так тряслась над единственной пропавшей жемчужинкой.

С детства избалованный изобилием драгоценностей, Ахеменид быстро потерял интерес к своей находке, подхватил самый большой шарик, полюбовался игрой света на его боках и сунул за пазуху.

– Пусть это будет первый мой подарок Анахит, – решил он.

В это время перс увидел среди жемчужин одну – почти чёрную, со стальным отливом. Он просто не мог не прихватить ещё и её. Уж больно это морское чудо напоминало персу его темнокожего друга.

– Вот и отдам Ганнибалу, раз уж остальные тайны этого ящика нам не ведомы.

С лёгким сердцем перс покинул заброшенный дворец Хефрона. Он ещё покружил по городу, но ему так и не попался на глаза ни один

египтянин, которого Ахеменид мог бы расспросить о пропавших жителях столицы. Через некоторое время из разных концов города стали доноситься голоса царских глашатаев, выкрикивавших слова строгих указов Камбиза II, запрещающих персам разорять Мемфис. Бесцельно бродившие солдаты слушали, недовольно морщились, порой откровенно бранили странные распоряжения, но с досадой бросали возле храмов недавно собранные богатства: золотую утварь и украшения в ярких драгоценностях. Отнести награбленное обратно у них явно не хватало силы воли. Хмурые, недовольные персы друг за другом потянулись на окраины – туда, где разместили свои полки их командиры. Арсам тоже направил свою колесницу прочь из центра города.

Разные районы египетской столицы были разделены кирпичными стенами, и уже по состоянию этих сооружений сразу было видно, где место жительства знати сменялось нищими трущобами. Арсам увидел полуразрушенные ворота в стене, напоминавшие пролом. Лошади недовольно фыркали, не желая менять хорошие городские дороги на вязкий песчаник окраин. К радости Ахеменида, этот район был куда многолюднее. Перед колесницей то и дело пробегали испуганные ребятки, женщины старались увести их и спрятать от незнакомца. Подростки смотрели исподлобья, с вызовом, готовые напасть на забредшего к ним неприятеля. В их молодые головы не приходило задуматься о последствиях. Взрослых мужчин вовсе не было видно. И всё же Ахеменид почувствовал себя очень неуютно. Недаром храбрые солдаты Камбиза так и не решились заглянуть в этот бедный район. Да и зачем, ведь для них не нашлось бы никакой наживы.

«Скорее всего, жители Мемфиса укрылись в этом районе, – размышлял перс, – во всяком случае, слуги, значит, и Ганнибал должны быть где-то здесь».

С этого момента племянник персидского царя стал ломать голову над тем, как задать вопрос этим людям, чтобы они указали ему место, где укрылись слуги номарха Херихора. Он смог додуматься только до того, что сейчас ему бы очень помог голосистый мальчонка, привезённый им из поместья.

«Знал бы, обязательно взял бы его с собой. Прав был дед, когда твердил, что следует десять раз подумать, а потом действовать!»

Ахеменид хмурил брови, и от этого казался окружающим его египтянам ещё неприятнее. Арсам отпустил поводья, кони шагом двигались вперёд, большие колеса месили песок. Дорожка снова и снова поворачивала, стены низких, слепленных из необожжённых кирпичей домишек подступали всё ближе, жались друг к другу. Вскоре перс оказался в узком проходе между двумя сплошными стенами. Здесь нельзя было ни развернуть колесницу, ни пятиться назад. На свой страх и риск царский племянник продолжал двигаться вперед.

– Сам Ахриман заморочил меня и заманил в это глухое место. Ну, кого здесь можно найти?! – вслух возмущался Арсам, уверенный, что его никто не услышит.

– Н-да, людей здесь маловато, – согласился с ним кто-то.

Ахеменид резко обернулся и, никого не увидев, вздохнул только.

– Точно происки Ахримана.

– Может, и так, – равнодушно произнёс голос. – Ахриман – это кто?

Этот вопрос возмутил и озадачил зороастрийца.

– Воплощение силы зла.

– А-а-а, – протянул неизвестный, – тогда это не ко мне.

– А ты-то кто такой? – дерзко спросил Ахеменид.

– Никто или ты сам... или...

– Шаи, – обрадовался старому знакомому Арсам.

Узнанный возник прямо перед персом, он сидел на спине одной из впряжённых в колесницу лошадей задом наперед, повернувшись лицом к Ахемениду и спиной к голове лошади. Его внешность снова была точной копией Арсама.

– А ты молодец! – заявил Шаи. – Отлично справился.

– С чем? – не понял перс.

– С тем, что тебе было предназначено.

– Уже всё?! Я уже всё выполнил?! – с негодованием воскликнул Ахеменид. – Значит всё, что здесь со мной происходило, затевалось только ради одного разговора с Камбизом?!

– Нет, конечно, были другие варианты, – лукаво сощурился Арсам-бог, – царевбийство, восстание, но ты выбрал самый спокойный и приятный. Нашёл, что сказать своему родственничку для того, чтоб всего этого избежать.

– Так я обязан вашим вниманием тому, что я Ахеменид?

– Разные есть Ахемениды, – философски произнес Арсам-Шаи и поправил пояс, точную копию подарка Камбиза.

– Да, – сокрушённо вздохнул Арсам-человек, – я стал плохим зороастрийцем.

– Твой бог тебя простит, – уверенно сказал Шаи, – доброму богу должно понравиться, что ты принес мир стольким людям.

– Я только поговорил с дядей, – заскромничал перс.

– Разговор разговору рознь. Вот только Априя жаль, – усмехнулся бог доброй судьбы, – ничего, Осирис его утешит.

Образ двойника Арсама стал стремительно таять в воздухе. Перс перегнулся через высокий край колесницы, стараясь удержать, схватил Шаи за руку.

– Постой, а как...

В его ладони остался только воздух, египетский бог доброй судьбы исчез, так и не объяснив иноземцу, как ему найти своего друга.

Чтобы обдумать странную встречу у Арсама не осталось ни мгновения. Испуганные чем-то лошади, громко заржав, взвились на дыбы и бросились вскачь. Они словно в агонии метались в лабиринте узких улочек. Колесницу нещадно болтало из стороны в сторону. Лошади шарахались от стен, резко сворачивали, роняли клочья пены. Изящная повозка фараона жалобно скрипела. Арсам с трудом удерживал поводья, напрасно стараясь остановить животных.

Внезапно стены расступились, повозка вылетела на широкий пыльный пустырь. Колесница подпрыгнула на камне, повалилась на бок, тонкая украшенная резьбой оглобля, соединявшая её с парой лошадей, сломалась с громким треском. Верхнее колесо продолжало ещё крутиться, а вырвавшиеся на свободу лошади уже неслись прочь. После падения Ахехенид ловко вскочил на ноги, глянул вокруг.

Неожиданно для себя он оказался в самой гуще толпы египтян. Они были так заняты чем-то своим, что даже не разбежались от колесницы, а лишь расступились, пропустив лошадей. Лица у всех были искажены злобой, а кулаки сжаты.

– Что здесь происходит? – невольно спросил перс.

Ему никто не ответил, но он сам догадался. Эти люди собрались здесь для того, чтобы отомстить за все свои беды и несчастья. На Ахеменида они вовсе не обратили внимания. Хотя в нём с первого взгляда можно было определить перса – завоевателя и разорителя этой страны. Рассерженные горожане уже давно выбрали себе жертву. На краю пустыря, возле обвалившейся стены, Арсам, к своему удивлению и ужасу, увидел затравленно озиравшегося Ганнибала.

– За что они его?! – воскликнул перс.

Расспрашивать было некогда, разъярённая толпа двинулась на темнокожего друга Арсама; не сомневаясь ни мгновения, перс бросился ему на помощь. Он даже не вспомнил, как отказался от многочисленной охраны, забыл, что он безоружен, раздавая увесистые удары направо и налево, прорывался к Ганнибалу. Египтяне не оставались в долгу, и вскоре на пустыре завязалась настоящая битва. Арсаму так и не удалось пробраться к другу. Слишком много вокруг было разгневанных противников. Царский племянник едва успевал уворачиваться от нападавших. Усилий двух человек было всё же слишком мало против десятка египтян.

– Ну, где теперь эти боги?! – зло воскликнул Ахеменид. – Не нужен я им больше?!

Отчаяние придало ему новых сил, перс чувствовал себя непобедимым, но кто-то из нападавших подобрал сломанную оглоблю и со страшной силой обрушил её на голову Арсаму.

Белый свет померк, всё исчезло: пустырь, толпа, злые лица, крики. В удивительной тишине и пустоте Ахеменид, свободный и лёгкий, шёл по бескрайнему зелёному полю.

– Я умер... – мелькнуло у него в голове, – но в чей загробный мир я попал?

Арсам вглядывался вдаль, невольно сомневаясь, встретит ли он сейчас зороастрийскую деву или бога Анубиса. Впереди блеснули речные воды, но перед персом не было ни моста со страниц Авесты, ни древней ладьи из египетских легенд. Он присел на берегу, спокойно ожидая, что будет дальше.

– А-рса-а-м!

Кто-то нещадно его тряс, разрушая приятное виденье. Ахеменид открыл глаза и увидел над собой жуткую рожу. Не сразу он сообразил, что это был Ганнибал. Половина лица темнокожего заплывла огромным синяком, левый глаз почти не открывался, а рот съехал на щеку.

– А-а-рс-а-а-м! – кричал друг перса.

– Не надо так орать... – пробурчал вернувшийся с райских лугов.

В ответ Ганнибал перестал его трясти и резко отпустил, отчего Ахеменид бессильно плюхнулся на землю.

– Прости, – весело улыбнулся Ганнибал. – Я уж думал ты совсем помер, а ты ничего.

– Куда все делись? – прохрипел Арсам.

– Я сам не понял! Этим озверелым горожанам не было конца. Ну, мы им дали! Ах, как мы сражались! Мне показалось, тебя было два. Ты и ещё ты, – восторженно объяснил крестьянин, – как ты это делаешь?!

– Не знаю, – поморщился Ахеменид, тщетно пытаясь сесть.

Он и подумать не мог, что весельчак Шаи ринется в драку вместе с ним.

– Тебе показалось, тебе просто показалось.

– Мне много чего показалось, – радовался спасенный Ганнибал, – этого уж точно быть не могло, только когда ты упал... вы оба... все как закричат... Я сперва и не понял, а потом гляжу, один ты стал такой огромный, выше домов, а рядом ещё появился такой же громадный рыжеголовый парень! Помнишь, который прогнал Апопа? Наверное, был ещё кто-то, эти местные так орали, метались... только дальше я не видел... кто-то напоследок мне так врезал...

– А с чего всё началось? – расспрашивал избитый царский племянник.

Оба полуживых победителя сидели посреди пустыря, покачиваясь от слабости, их измученные лица не скрывали того, что даже это обоим дается с трудом. Вскоре они, не сговариваясь, повалились рядом с друг с другом. Так разговаривать оказалось гораздо легче. Ганнибал принялся объяснять:

– Они же не могли нападать на солдат, вот и нашли себе врага послабее; конечно, не обошлось без твоего дружка – Херихора. Он сболтнул кому-то, что я знаю язык персов и вообще дружу с одним из царского семейства. Короче говоря, меня отлупили за наше с тобой знакомство.

– А куда делся сам Херихор?
– Зачем он тебе понадобился? Неужели хочешь вернуть жену?! – не поверил Ганнибал.

– Ни за что! – возмутился влюблённый. – Но у меня ещё его мамаша и сынок.

– Вот те номер! Ты не перестаёшь меня удивлять.

Ганнибал даже привстал и внимательно посмотрел на друга.

– С чего вдруг тебе понадобились родственники номарха?

– Так получилось. Анахит не захотела их бросать.

– Ну, ты влип! – рассмеялся темнокожий египтянин. – Херихора теперь днём с огнем не сыскать, ему самому, видно, не очень-то нужны родственники. Хорошенькое приданое у красавицы Анахит.

– Там ещё мальчишка-слуга... куда их всех теперь? – задумчиво произнес Ахеменид. – Пока я оставил их во дворце у Камбиза.

– Так чего же мы здесь валяемся?! – воодушевлённо воскликнул Ганнибал. – Нас же ждут во дворце.

– Как же мы туда попадем? – сокрушался перс.

– Ну-у-у...

Друзья, крихтя и бранясь, поднялись на ноги; шатаясь, словно пьяные, и поддерживая друг друга, они поплелись через пустырь к тому месту, где развалилась колесница Арсама. И к своему немалому удивлению, увидели невдалеке от неё пару сбежавших лошадей, мирно отмахивавшихся хвостами от мух.

– Ты тоже их видишь? – тихонько спросил перс Ганнибала, боясь, что лошади – очередной мираж.

– Надо же, вернулись, – удивлялся темнокожий египтянин, – или кто-то их вернул. Как думаешь, ты сможешь забраться на одну из них?

– Смогу, – уверенно ответил Ахеменид.

– А я не смогу, – горько вздохнул Ганнибал, – я их боюсь.

– Глупости, – отрезал племянник Камбиза II.

Пришлось египтянину собрать всю волю в кулак и героически подойти к красивому животному. Почувяв его страх, лошадь презрительно покосилась и, заржав, отбежала в сторону. Ганнибал только вздохнул и развёл руками.

– Вот, я же говорил.

Арсам решительной, хотя и неверной походкой подошёл к лошади, схватил её под уздцы. Потом стал подсаживать ей на спину египтянина. Но одной свободной рукой это ему никак не удавалось. Ганнибал не мог забраться на лошадь, а когда друг помог ему взгромоздиться, сразу беспомощно сполз с другой стороны. Ахеменид выпустил поводья, озадаченная лошадь смиренно ждала, что будет дальше. К её ужасу, Арсам легко уселся верхом и стал тянуть к себе Ганнибала. Животное, вовсе не привыкшее носить на себе всадника, ощутив сразу двоих, постаралась их

сбросить. Лошадь брыкалась и поднималась на дыбы, в результате Ганнибал опять оказался на земле.

– Может лучше пешком? – жалобно спросил он. – Я и так весь в синяках.

– Пешком – долго, – упрямо заявил племянник царя Персии.

Новая попытка поднять Ганнибала окончилась так же печально, снова рухнувший на землю египтянин готов был сбежать от своего настойчивого друга, но бежать не было сил. В конце концов, Ахемениду удалось подчинить себе своенравное животное, и, что было ещё трудней, усадить верхом темнокожего крестьянина. Друзья двинулись в путь, оба были так измучены, что вовсе не замечали огромных от изумления глаз всех, кто попадался им навстречу.

Глава двадцать девятая **БЕДНЫЙ АПРИЙ**

В ярких лучах достигшего зенита солнца огромный дворец фараона Псамметиха был пуст и молчалив. Арсам не узнавал виденного им утром здания. Ни слуг, ни охраны нигде не было. Оставшаяся у центрального входа пара стражников имели крайне жалкий, не подходящий для царских палат вид.

– Что случилось? Где все? – напустился на них с расспросами Ахеменид.

Солдаты крайне недоверчиво оглядели не внушавшего доверия незнакомца: весь в ссадинах, одежда изорвана как после жуткой драки. А его спутник и вовсе показался охранникам подозрительным: еле державшийся на ногах темнокожий. Но Арсам посмотрел на них грозно, и один солдат всё же удостоил его нелюбезным ответом:

– Великий Камбиз повелел всем, кто находился во дворце, сопровождать его.

– Сопровождать – куда? – уточнил Ахеменид.

– Царь пожелал посетить могилу фараона Априя.

– И что, он собрал абсолютно всех? Даже женщин?

– Им было велено громко стенать и плакать, выражая скорбь по умершему.

– Так он же уже давно помер, какая скорбь?

– Такова была воля великого царя.

Арсам задумался, решая, что теперь делать дальше. В это время из гулких глубин дворца появилась яркая фигура розовощёкого царедворца. Он расплылся в масляной улыбке, произнес нараспев:

– Какая радость! А Камбиз приказал дожидаться тебя здесь. Едем, едем скорее.

– Я немножко не в том виде, чтоб сопровождать царя, – Арсам провел рукой по своему рваному халату.

– О, это пустяки, – воскликнул сановник, – в покоях тебя ждет новая одежда и всё, что может понадобиться. Только умоляю, быстрее. Камбиз так не любит ждать.

Как только Ганнибал добрался до мягкого ложа и подушек, он совсем раскис. И только громко стонал, пока Арсам, торопясь, приводил себя в порядок. От стенаний египтянина отвлекли выпавшие из одежды его друга жемчужины.

– Ничего себе! – воскликнул он, на лету поймав чёрный шарик. – Как же они уцелели в драке и ведь не выпали нигде.

– Сам удивляюсь, – беззаботно ответил Арсам, – кстати, вот этот я как раз тебе и нёс. Нравится подарочек?

– Ещё бы! – восхищённо выдохнул сын крестьянина. – Откуда у тебя жемчуг?

– Херихор просил передать в благодарность за труды, – отшутился перс.

Ганнибал снова повалился на подушки, но его жалобы сменились благодушными рассуждениями.

– Как хорошо, что меня никто нигде не ждёт и я могу спокойно отдохнуть! – подытожил он длинную тираду.

Оставив друга наслаждаться прохладой и одиночеством, Ахеменид, подгоняемый подбострастными речами царедворца, помчался догонять царскую процессию. У дворца их ждали две запряжённые колесницы. Ахеменид прыгнул в первую из них, хлестнул лошадей. Сановник, боясь пропустить столь важное событие, кряхтя, забрался в свою колесницу и велел вознице следовать за царским племянником.

– Хорошо, что у фараона так много колесниц, – радовался сам правивший лошадьми перс, – иначе мне бы пришлось ехать вместе с этим сладкоголосым.

Два экипажа галопом неслись к реке, на левом берегу которой раскинулся город мёртвых. Пышную царскую процессию Ахеменид догнал уже у самой воды. Лодки сновали туда и обратно, перевоза через Нил всех, кого Камбиз II хотел сделать свидетелями унижения бедного Априя. Сам царь персов уже успел переправиться и вынужден был ждать, пока переберётся через реку хвост процессии.

– И почему египтяне не строят мостов? – возмущался нетерпеливый Арсам.

Он надеялся отыскать на берегу Анахит, но царь приказал плакальщиц переправить среди первых. Влюблённых вновь разделял Великий Нил. Царь специально для племянника отправил к правому берегу свою большую нарядную ладью. К немалому сожалению перса, лошадей и все колесницы было велено оставлять на берегу, с тем, чтобы к городу мёртвых торжественная процессия двинулась пешком. Сильные гребцы в мгновение ока переправили запоздавших гостей Камбиза. Левый берег Нила был пустынным, только вдаль виднелись зелёные островки

деревьев. Этими землями ещё не завладели жёлтые пески, но отсутствие спасительной тени превращало их в раскалённую равнину. Воздух плавился и дрожал, покачивая всё окружающее как зыбкий мираж. Город мёртвых раскинулся во все стороны и казался больше столицы на противоположном берегу. Едва ступив на сушу, Арсам хотел бежать разыскивать Анахит, но сразу попал в крепкие объятия владыки Персии.

– Отлично, что ты поспел вовремя, – радовался царь, – уж очень мне хотелось, чтобы ты присутствовал здесь. Сам ведь придумал пороть Априя!

– Я же шутил, – горько вздохнул Арсам.

– О, это будет грандиозно! – продолжал Камбиз, не слушая племянника. – Весь Египет сразу поймёт, кто здесь главный. Идём, Ахемениды должны держаться вместе.

Он увлёк сопротивлявшегося родственника за собой в самое начало процессии. Персидский царь сразу стал бесконечно важным. В каждом его движении и вздохе ощущалась значимость момента. Перед владыкой половины мира воинственно вышагивали солдаты, вооружённые длинными копьями, за ними задом пятились слуги, подметая пальмовыми ветвями дорожку, по которой ступал Камбиз. Арсам, не раз бывавший на таких мероприятиях, теперь еле сдерживал насмешливую улыбку. Дядя казался ему смешным, как раздувшийся перед соперником голубь. Младший Ахеменид отставал от дяди на пару шагов, подчёркивая его старшинство. Помпезной процессии преградила дорогу группа египтян. Разодетые как для праздничного богослужения жрецы пали ниц перед грозным владыкой. Рассматривая диковинно наряженных египтян, Арсам признал в одном из них своего старого знакомого – Херихора. В это время самый солидный из просителей поднял голову и произнёс длинную нудную речь, нещадно коверкая язык завоевателей. Арсам понял только, что номархи смиренно просят Камбиза не тревожить царственных покойников. В ответ персидский царь брезгливо махнул рукой, словно отгоняя назойливых мух. Его приближённые сразу угадали желание хозяина. Сомкнувшейся круг солдат оттеснил вызвавших раздражение царя египтян. Процессия неспешно продолжила свой путь. Впереди показались строения усыпальниц фараона.

«Здесь постройки куда монументальней и краше, чем жилища живых», – подумал Арсам.

Гробницы напоминали роскошные дворцы с множеством колонн и статуй. Каменные фараоны и боги надменно взирали на шедших мимо людей. Самыми удивительными были большие каменные львы с головами людей и лицами прежних властителей.

– Сфинксы. Говорят, в долине Гизы есть сфинкс, огромный как скала, – угодливо принялся объяснять крутившийся рядом с Ахеменидами льстивый царедворец. – Сфинкс – символ фараона, он царь, он лев. В

Египте вы не найдете двух одинаковых сфинксов, каждому придано сходство с одним из правителей.

Слушая его, Арсам через плечо обернулся назад и столкнулся с жёстким взглядом нового царского советника – Уджагорресента. Ему показалось, что бывший военачальник радовался происходившему.

«Неужели ему недостаточно одного предательства, – ужаснулся перс, – и он хочет ещё отомстить Априю, при котором так быстро и славно поднялся».

Влюблённый сразу отбросил эту мысль, ведь он заметил мелькнувшее в толпе плакальщиц лицо Анахит – или ему только почудилось? Но он не мог перепутать, Арсам готов был шагнуть за Камбизом, повернувшись к нему спиной, только бы ещё раз увидеть милый образ. Но царя это вовсе не устраивало.

– Куда ты так свернул голову? Твой глупый вид нарушает торжественность всего шествия! – возмутился будущий египетский фараон.

Влюблённому пришлось вернуться к подобающей моменту торжественности. Тем временем многолюдная процессия приблизилась к помпезной гробнице фараона Априя. Словно возле одного из храмов вход в неё охраняли высокие фигуры фараонов. Любой египтянин легко узнал бы прежних правителей. Каменные гиганты грозно взирали с высоты своего двухметрового роста. Всё же на персов они не производили должного впечатления, азиаты слишком привыкли к другим статуям, которым скульпторы специально придавали такой вид, словно камень вот-вот оживёт и начнёт двигаться. У ног фараонов лежали сфинксы, такие же неподвижные и помпезные.

– Откройте, я хочу войти внутрь, – величественно произнес Камбиз.

Оставленные им без внимания египетские жрецы снова бросились на колени перед завоевателями. Они причитали, рвали на себе одежды, размахивали руками, выкрикивали странные слова.

– Что они так шумят? – недовольно поморщился персидский царь.

– Призывают страшные кары на наши головы, – перевёл Арсам.

– Грозятся разными бедствиями в наказание за вскрытую гробницу, – ележно улыбнулся оказавшийся рядом ловкий царедворец. – Напрасно грозятся, что они могут? – рассуждал он, вытирая рукавом потное лицо.

– Не стоит проверять, на что они способны, – предостерег бывший египетский пленник.

Самоуверенный царь не услышал его слов. Он был так упоён собственным величием и непобедимостью, что не хотел думать ни о чём, кроме своих причотей.

– Приказываю, – пропел Камбиз, – открыть гробницу, да пошире. Небось, там вовсе дышать нечем.

Глава завоевателей с улыбкой наблюдал, как солдаты сдвигали тяжёлую плиту, открывали тщательно замураванный проход и опасливо заглядывали внутрь.

– А впрочем, кому там было дышать, – хихикнул он.

Из гробницы фараона донесся душераздирающий вопль, кого-то из солдат настигла заранее приготовленная египтянами кара. Воодушевлённые жрецы поспешили подойти ближе к Камбизу и стали стращать его новыми описаниями несчастий. Но вызвавшийся переводить царедворец смягчал и уменьшал обещанные беды. Арсама раздражала его ложь, но он не стал исправлять явных ошибок, ведь его царственный родственник не желал слышать правды, его вполне устраивало вера в собственную безнаказанность. Будущий фараон готов был бежать впереди других.

– Не стоит торопиться, – остановил его племянник, – вряд ли покой прежнего правителя охраняла только одна ловушка.

– Может, ты и прав, – неохотно уступил Камбиз, – владыке полумира не стоит рисковать собой. Неужели ты думаешь, что египетские хитрости так опасны?

– Я думаю, они не перестанут быть смертельными, даже когда весь город мёртвых пропадёт под слоем песка.

– Не преувеличивай, когда ещё это будет – через пару тысяч лет, не раньше.

– Тем более, не стоит рисковать, – серьёзно сказал Арсам, – Априя схоронили совсем недавно.

– Ну, хорошо, – уступил Камбиз, – может, ты и прав, и мне не стоит самому лезть в эту дурацкую гробницу, но я обязательно должен наказать Априя – иначе все решат, что я струсил, испугался египетских проклятий. Чуть какая!

– О, мудрейший, ты как всегда прав, – влез между родственниками обливавшийся потом пухлощёкий сановник, – но как же наказать фараона? Может быть, разрушить его гробницу?

– Тогда Априя быстро забудут, я слышал, для египтян это страшное наказание, – рассуждал персидский царь, – но...

– Но тогда забудут и того, кто его наказал, – нашёлся Арсам

– Как же быть? – расстроился Камбиз. – Это событие обязательно должно войти в историю, моё имя должно жить в веках!

– А вы прикажите вынести мумию их гробницы, – радостно предложил сообразительный царедворец.

– Отлично! – воодушевился царь. – Выпорю его здесь, при всех.

Повинуясь многословным приказам царского сановника, новые солдаты дружно бросились внутрь гробницы. Из посмертного убежища Априя донесся громкий шум, крики и ругань. Тяжёлые удары по камню сотрясали строение.

– Я же велел ничего не ломать, – поморщился Камбиз и потребовал раздражённо, – опахало! Где моё опахало?! Оно было неуместно во время военных действий, но теперь-то!

Арсаму ожидание на солнцепёке тоже стало казаться невыносимым, он даже пожалел, что благодаря предусмотрительному дяде в своих покоях нашёл новый нарядный халат и оставил во дворце одежду, изрядно пострадавшую в драке. В жалких лохмотьях, оставшихся после потасовки, ему сейчас было бы гораздо прохладнее.

– Казню! Всех казню! – продолжал бушевать Камбиз II.

На царские крики сбежались десятки придворных. Принялись перепираться, спорить, кто больше виноват и куда подевалось царское опахало. Вокруг, как стая мух, стали кружить перепуганные слуги. Арсам хотел было воспользоваться моментом и ускользнуть, но Камбизу очень не понравилось это намерение.

– Куда?! – рассердился он. – Что ж вы все разбегаетесь? Неуловимые у меня племянники! Дария вечно не вытащишь от солдат. Будто мёдом ему там намазано. А ты куда направился?

Видя дурное расположение родственника, Ахеменид счел за лучшее улыбнуться и заверить Камбиза:

– Никуда я не убегу! Да и Дарий должен вот-вот появиться. Тебе не о чем беспокоиться.

В подтверждение его слов слуги отыскивали большое царское опахало и украшенный длинными золотыми кистями огромный зонт от солнца. А вскоре после этого к помягчевшему владыке полумира подлетел всадник на взмыленном коне, быстро спешил и коротко поклонился. Дарий был немного старше Арсама и тоже приходился царю дальним родственником, но Камбизу нравилось именовать младших Ахеменидов своими племянниками. Дарий всегда интересовался военным делом и мечтал затмить славу Кира Завоевателя. В его строгом серьёзном лице сразу был виден грозный властитель. Тяжёлого взгляда его чёрных глаз не выдерживал ни один приближённый. Увидев Арсама, которого на родине все считали давно погибшим, суровый воин не выказал ни тени удивления.

– Надо же, и ты успел вовремя! – приветствовал его дядя. – Первый раз я рад тому, что ты никогда не ходишь пешком. Иначе ты бы опоздал. У тебя отличный конь!

– Я сам выбирал его, – гордо поднял голову Дарий.

Арсам внимательней взглянул на скакуна, примчавшего его родственника. Где-то он уже видел этого рыжего с золотом тонконового жеребца. Перс нахмурился, припоминая, и вдруг вспомнил. Этот удивительный звонкий, как натянутая струна, конь тревожил его мысли ещё там, в поместье номарха Херихора, словно неизбежная стремительно приближающаяся гроза...

– Что здесь происходит, – деловито поинтересовался Дарий.

– Царская порка, – просто ответил Арсам. – Один фараон Египта норовит выпороть другого.

– И как, получается?

– Сам увидишь.

В это время из вскрытой гробницы фараона снова раздался грохот и отчаянные крики. Несколько солдат в ужасе выбежали наружу, а один выполз на руках из тёмной усыпальницы, громко кляня всех египтян.

– Тяжёлый, гад, – прохрипел раненый.

– Ничего страшного, – браво отрапортовал царю вышедший следом офицер, – солдаты не удержали каменную крышку верхнего саркофага, и она свалилась этому бедняге на ноги. До мумии ещё не добрались, три саркофага один в другом.

За спиной офицера послышалось надрывное кряхтение, и вскоре показались солдаты, вдвештером тащившие последний, самый меньший саркофаг. Он был вытесан из громадного тёмного дерева, а вся крышка покрыта золотом. На стенках гроба были вырезаны ряды иероглифов, а верх повторял очертание лежащего внутри тела. Солдаты опустили свою тяжёлую ношу перед Камбизом. Он смотрел на саркофаг сверху вниз, важно выпятив нижнюю губу.

– Откройте! – велел царь торжественно.

Солдаты поддели золочёную крышку саркофага концами копий и дружно налегли на длинные древки. Надёжное персидское оружие затрещало и сломалось одно за другим. Солдаты протягивали царю обломки, пожимали плечами, выразительно демонстрируя свою беспомощность.

– Должен же этот гроб открываться! – возмущённо воскликнул Камбиз.

– Вовсе не обязательно, – цинично заметил Дарий, – обычно покойники ведут себя смиренно.

– Должно быть, здесь какой-то секрет, – засуетился вездесущий царедворец, – найдите того, кто знает, в чём тут дело, – потребовал он, гневно глянув на офицера, и даже топнул ножкой в шёлковой туфле.

Солдат проявил сообразительность и бегом бросился к толпившимся поодаль египетским жрецам. Он угрожал и упрашивал, пока один из них не заколебался. И униженно обратился к Уджагорресенту. Тот ответил резко, приказал подчиниться солдатам, после этого гроб Априя был безжалостно вскрыт, в нос персам ударил отвратительный запах, замотанная в почерневшие бинты, но ещё не высохшая мумия предстала перед живыми. Лицо покойника закрывала золотая маска, руки были скрещены на груди. Толпившиеся вокруг в ужасе отшатнулись.

– Жалкий вид у фараона, – вырвалось у Арсама.

– После смерти все плохо выглядят, – холодно бросил Дарий.

Верный своему замыслу, Камбиз вытащил из-за пояса бич с украшенной резьбой рукоятью из слоновой кости. Персидский царь так усердно стегал кнутом мумию Априя, что раскраснелся и тяжело дышал.

– Я обязательно напишу об этом, – усмехнулся Дарий.

Глава тридцатая ВОЗРАЩЕНИЕ

Уже после возвращения во дворец Дарий счёл необходимым выговорить дяде своё возмущение. Камбиз сам настоял на том, чтобы племянники не спешили разбежаться по своим покоям, а разделили вместе с ним поздний ужин.

– В армии ходят разговоры, что ты, царь, предал тех, кто принёс тебе победу, – решительно начал старший племянник, сделав большой глоток вина, – солдаты не получили ничего за свои лишения и раны.

– Не понимаю, о чём это ты, – поморщился Камбиз, с наслаждением пережёвывая сочный кусок телятины.

– Я говорю про твой запрет на разграбление Мемфиса.

– Разве им мало было двух дней? Чего ещё они хотели?

– Это нарушение, все свои богатства египтяне спрятали в храмах, а солдаты не могли даже войти туда.

– Мой великий отец, – Камбиз стал серьёзным, – говорил мне, что армия не должна быть обременена скарбом. Тот, кто позволит солдатам тащить с собой слишком много барахла, потеряет армию.

– Но тот, кто ничего не даст солдатам, потеряет её ещё быстрее, – парировал Дарий, – прогони того советника, который нашептал тебе эти решения.

– Какой ты быстрый, – засмеялся Камбиз, – нельзя запретить родичу Кира быть Ахеменидом.

Арсам всё это время с хмурым видом слушал их разговор, он искал слова, которые могли бы убедить в его правоте помешанного на военных победах родственника, и не находил. Зороастрийцу оставалось только честно рассказать о мудрых египетских богах. Раздражённый Дарий с вызовом глянул на молодого родственника.

– Камбиз хочет быть фараоном, царем этих людей, – нашёлся Арсам, – подданные должны любить и уважать своего царя.

– Завоёванный народ должен бояться своего повелителя, – убеждённо произнёс будущий владыка Персии.

– Всегда найдётся храбрец, который не захочет бояться и поднимет восстание.

– Персидской армии не страшны восстания, – гордо воскликнул Дарий.

Он раздражённо бросил сочный кусок мяса, вскочил на ноги, стал кричать на младшего царского племянника.

– Ты раскис! Я не узнаю тебя! Что сделала с тобой эта земля?! Лучше бы ты действительно погиб!

– Да, я сильно изменился здесь, – спокойно согласился Арсам.

– Здесь не обошлось без женщины, – старался смягчить разговор Камбиз, – только женские чары могут так менять мужчину.

– Плох тот мужчина, которым управляют из гарема! – брезгливо поморщился Дарий.

– При чём здесь гарем?! – возмутился Арсам. – Я сам так думаю!

Он уже успел определиться, что ему рассказывать. Ахеменид подумал, что все египетские боги ему всего лишь чудились, их не было! А всякий зороастриец должен честно говорить только о том, что было на самом деле.

– Ты сам, – сердился Дарий, – должен быть воином и любить войну!

– Хватит и того, что ты её слишком любишь! Пойми, здесь воевать больше не с кем! Иди сражаться где-нибудь ещё!

– В Нубию! – воодушевился Камбиз. – Мы завоюем Нубию!

– Зачем нам Нубийские пустыни? – растерялся Дарий.

– Я знаю, что фараоны Египта всегда воевали с Нубией, – не сдавался царь, – уж они-то знали, что их влекло в эту страну.

– Нубийцы воинственны, – рассуждал Дарий, – и, скорее всего, фараоны просто защищали свои границы.

– Теперь это наши новые границы, и мы будем их защищать! – величественно изрёк старший Ахеменид. – Веди войска в Нубию, Дарий. Сразу после коронации я последую за тобой.

Грозному военачальнику вовсе не хотелось отправляться на раскалённый солнцем край чужой страны. К тому же его невыносимо злила лёгкая победа младшего родственника, которого теперь он считал слюнтяем и неженкой. Но он не мог ослушаться великого Камбиза II.

Дарий молча поклонился царю и, не доев свой ужин, решительно вышел. Царь Персии отпустил его милостивым жестом и погрузился в глубокую задумчивость; воспользовавшись этим, Арсам тоже поспешил откланяться. Он торопился вернуться в свои покои. За окнами дворца уже давно спустилась ночь, тёмные переходы освещал только факел в руках слуги.

В комнатах, напоённых тонкими запахами душистых масел, было совсем темно. Влюблённый сразу хотел бежать к Анахит, но на пороге её комнаты наткнулся на устрашающее шипение старой матери Херихора:

– Ну, куда, куда, она только уснула, совсем измаялась ходить за вашим царём по солнцепёку. Хоть ты её пожалей.

Арсам даже удивился тому, как охотно уступил требованиям совсем недавно столь ненавистой ему старухи. На него самого вдруг навалилась усталость.

– Всё-таки вредно начинать день с драки, – пробурчал он.

Ахеменид добрёл в темноте до ближайшей скамьи и рухнул спать, даже не заметив недовольных звуков, раздавшихся рядом с ближайшего ковра, когда неприхотливый перс сбросил мешавшую подушку.

– Раскидался тут, – продолжал ворчать Ганнибал, – шёл бы спать на свой мягкий тюфяк под шёлковым балдахинном. Это я, крестьянин, привык спать на полу, а царскому родственнику в самый раз такое ложе.

Недавно крестьянин сам пробовал устроиться как настоящий придворный, но не смог уснуть и, не смотря на то, что всё тело болело от побоев, привычно перебрался на пол. Он провалялся здесь весь день, и теперь был настроен поболтать. Однако его персидский друг оказался крайне плохим собеседником. Ахеменид только согласно мычал, когда египтянин рассуждал о том, как теперь вернётся в родные места, женится и заживет по-новому.

Внезапно покои наполнились ярким светом и мощным винным духом. В окружении многочисленных слуг, высоко державших факелы, раскачиваясь из стороны в сторону, презрительно взирал на спящего племянника Камбиз II.

– Спишь?! Ты хоть видел, кто валяется на твоём ковре?

Арсам открыл глаза, с интересом глянул вниз, но не найдя ничего впечатляющего, хотел было снова уснуть, однако дядя не позволил:

– Это же нубиец! – взвизгнул он. – Враги во дворце!

– Я – египтянин, – обиделся Ганнибал.

– Не бывает таких египтян!

– Бывает! – настаивал крестьянский сын.

– А рожа?! Арсам, ты видел его рожу?!

Ахеменид внимательно посмотрел на друга, вздохнул сонно:

– Ну, побили немножко...

– Ты это называешь немножко?! – бушевал царь, – Да он не чёрный, он синий! Где ты только взял такого?!

– Тут, неподалеку, – огрызнулся египтянин.

Арсам стряхнул с себя сон, серьёзно спросил Камбиза:

– Что-то случилось?

– Случилось! – пьяно улыбнулся персидский царь. – Мне понравилась... в мёртвом городе... шествие...

– И что? Пойдём пороть других фараонов?

– Ты не понял... мне понравилось одна плакальщица...

– А я здесь при чём? – возмутился Арсам.

– Мне сказали, что она живёт в твоих покоях. Это твоя наложница.

– Это моя жена! – решительно заявил Ахеменид и вскочил на ноги.

– Ну и что... – невозмутимо произнёс Камбиз, – я же царь!

– Неужто тебе мало?! – сорвался Арсам. – Разберись сначала со своими жёнами, сколько их – пять, шесть? Ты готов затащить в постель каждую женщину, которую увидишь! Даже собственных сестер!

– Тихо, тихо... – качнулся к племяннику Камбиз. – Дарий говорил мне, что сейчас модно заводить египетских жен, у него самого, кажется, есть такая... но зачем переживать из-за этих дикарок? Твой долг повиноваться потомку Кира!

Не рассуждая, Арсам молнией метнулся к ближайшему слуге, выхватил у него факел, сунул в лицо дяде. Пламя опалило царю курчавую бороду.

– Я тоже Киру не чужой! Любой из нас может стать царем! Дарий, например, а пока я сожгу тебя здесь, отличный будет факел!

Слуги не успели ничего сделать и в ужасе смотрели на хозяина. Осторожный Ганнибал повис на плечах друга, шипел ему в ухо:

– Ты что?! Ты же убьешь царя! Это же страшно, такое начнётся!

Защищая Анахит, влюблённый ничего не слышал, перед ним застыло искажённое страхом лицо Камбиза в языках рыжего пламени. Неожиданно из-за царского плеча появилась шакалья морда Анубиса.

– Не сейчас и не ты! – протыкал бог и дунул на факел.

Тот сразу погас, словно слабый фитилёк. Резко протрезвевший Камбиз тяжело дышал.

– Не горячись! Всё, всё...

– Я сегодня же покину твой дворец, – решительно заявил дяде Арсам, – но берегись, твоя смерть совсем рядом, а я буду жить долго и счастливо...

Андрей с трудом открыл глаза. Взгляд упёрся в выбеленный потолок, скользнул по гладкой стене и остановился... на странных приборах, по экрану которых зигзагами бежал след сердечного ритма. Тишину разрезал резкий ритмичный писк. От аппаратов тянулись прозрачные трубки и трубочки. На грудь бросилась рыдающая женщина, запричитала:

– Андрюша, Андрюша! Ты целый месяц был в коме! Ты вернулся! Вернулся!

Он не мог ничего понять. Голова болела, путались цари, мумии, пески, боги, комната с белыми стенами ещё была полна ими. Андрей остро и тревожно ощущал себя Ахеменидом-зороастрийцем. Не было сил ни понять, что случилось, ни удивиться. Когда плакавшая женщина подняла голову, он узнал свою Анахит. Андрей прошептал нежно:

– Мы будем жить долго и счастливо...

Комментарии

Абидос. Город в Верхнем Египте, служивший некрополем со времён первых династий. Там, по преданию, было похоронено сердце Осириса. Хотя, по мифу, жена Исиды все части мужа собрала когда-то! Копии остались! Там сохранились уникальные памятники Египта, то есть храмы и гробницы, найденные археологами и показывающие богатую египетскую культуру, например, их знания по астрономии.

Авеста. Священная книга зороастризма. Её составление приписывается знаменитому пророку Заратустре или, в греческом варианте, Зороастру. Древнейшая её часть, так называемые Гаты, хранилась в устной традиции и была записана в раннее средневековье. Сохранились также средневековые комментарии к Авесте, например, «Вендидад» («Кодекс, данный против дэвов»). Есть там и гимны божествам, называемые Яшты. В целом сохранилась только часть данной священной книги, отсюда многочисленные загадки Авесты. Хотя учёные и писатели легко восстанавливают по ней богатую иранскую мифологию. Религиоведы отмечают явное влияние зороастризма на христианство, в частности отсюда семёрка высших ангелов и нечистой силы. Иранский Аишма стал, например, крупным чёртом Асмодеем...

Аммат. Чудовище с головой крокодила, лапами льва и телом бегемота присутствовало в Зале Двух Истин на подземном суде над душой умершего. Процесс назывался ещё психостасией, то есть взвешиванием души на весах богини истины Маат. Взвешивалось сердце, и, если грехи человека перевешивали, то Аммат съедала душу умершего. Это так называемая «Вторая смерть», которой очень боялись египтяне. До этого душа отвечала на 42 вопроса, утверждая, что её владелец не лгал, не воровал и так далее. Отсюда и магическая шпаргалка, называемая «Книгой мёртвых». Кстати, египтяне поэтому были народом добрым, в отличие от своих соседей. В романе раб Арсам только периодически заковывается цепями. Что бы с рабом за подобное поведение сделали те же персы или греки! Представьте сами...

Анубис. В египетской мифологии бог – покровитель умерших; почитался в образе лежащего шакала чёрного цвета или дикой собаки Саб, или в виде человека с головой шакала или собаки. Считался судьёй богов. Центром культа Анубиса был город 17-го нома Каса, названный греками Кинополь, «город собаки», однако его почитание рано распространилось по всему Египту. В подземном мире он считал сердца умерших, уступив власть в этом мире Осирису. Анубис был богом бальзамирования, и жрец, осуществлявший этот процесс, надевал маску Анубиса. Анубис перебрался позднее и в христианство, святой Христофор изображался на иконах до 17 века с собачьей головой. Такие иконы позднее уничтожались православной церковью, но сохранились в музеях, в том числе сибирских.

Анупу, Бата. Герои египетской сказки, где есть неверная жена, пытающаяся погубить Бату. Перед этим Бата отказался от любви своей золовки и, естественно, разгневанная женщина попыталась его погубить. И

зачем только упирался, ведь всем было бы хорошо... Бата себя оскотил для доказательства своей невиновности. И поэтому бог Хнум изготовил для него жену! Вероятно, чёрный юмор такой божественный... Новая жена тоже расправилась с мужем, ибо вышла замуж за фараона. Не тут-то было! Бата возрождается снова сначала в виде быка, потом дерева, а затем от проглоченной щепочки заново рождается и, когда вырос, сам рассчитался за всё со своей, так сказать, «мамой». Очень популярная в древнем Египте сказка с рядом эпизодов, поразительно напоминающих русские сказки.

Апис. Бог в облике быка, считался быком Осириса. На известных изображениях между его рогов часто помещён солнечный диск. Он был самым главным богом плодородия. Аписа почитали с глубокой древности, центром его культа был Мемфис. В реальной жизни воплощением Аписа являлись чёрные быки с особыми белыми отметинами. Корова, от которой родился такой бык, тоже почиталась и содержалась в особом здании. Когда какой-либо бык умирал, это считалось большим несчастьем. Умершего Аписа бальзамировали и хоронили по особому ритуалу в специальном склепе Серапеуме около Мемфиса. Так что, как говорится, не родись красивым, а родись быком! Аписом, разумеется...

Апоп. Гигантский змей, живущий в глубинах небесного Нила. Вечный враг бога солнца Ра. Каждую ночь он вступал в схватку с Ра, плывущим в своей небесной ладье, и от этого сражения зависело, взойдёт ли снова солнце на следующий день. Ясное дело, что Ра постоянно побеждает и мы не сидим поэтому в темноте, но египтяне в этом не были уверены и жрецы возносили ночью специальные заклинания, помогающие победе. Вернее, с восходом зари Апоп обращался в бегство, боясь солнца, как современный вампир.

Априй. Египетский фараон, правивший в начале 6 века. Сын Псамметиха II, последний из египетских фараонов, попытавшийся восстановить могущество Египта и совершивший неудачный поход на север. Он захватил Финикию и подошёл на помощь осаждённому вавилонянами Иерусалиму, но затем отступил и Иерусалим был захвачен. Начался «вавилонский плен» древних евреев, продолжавшийся почти 60 лет. Вернуться евреям в Палестину разрешил Кир. Главной опорой Априя были греческие наёмники, что вызвало недовольство египтян. Родственник Априя Амасис (Яхмос) совершил переворот и захватил власть, в последующей борьбе Априя погиб. Амасис же правил почти сорок лет и умер в 526 году, незадолго до вторжения Камбиса. Проживи он подольше, может, Египет бы и устоял. Смена власти на Востоке всегда время очень опасное...

Ахемениды. Династия в Иране, правившая больше двух столетий. Первым был Кир, поднявший восстание против мидян и свергнувший с престола своего деда Астиага. А нечего было дочку за перса отдавать! Тем более и сон был, что из живота дочери Астиага Манданы (точнее, чуть ниже) дерево выросло, покрывшее всю Азию. И сказали мудрые жрецы Астиагу, что внук его власть захватит... Впрочем, дедушка внука погубить пытался и мальчика бросили на горе, но волки его в обиду не дали, а затем какой-то

пастух нашёл и воспитал. Мидяне и персы были очень близки, и герою романа мидийский язык учить было не надо. Скорее всего, это два диалекта одного языка. До Кира Ахемениды правили в юго-западном Иране как вассальные цари примерно с 7 века до нашей эры и считали своим предком Ахемена. Своего расцвета персидская империя Ахеменидов достигла при Дарии. Последний представитель династии Артаксеркс погиб в Бактрии после вторжения армии Александра Македонского.

Ахриман. Правильнее Ангро-Манью, есть также привычный европейский вариант Ариман. Противостоящий Ахурамазде бог зла, создавший вредных насекомых, придумавший войну, жертвоприношения животных, зиму, колдовство и другие виды зла. В поздней иранской мифологии брат-близнец Ахурамазды. Война двух богов когда-то завершится победой Ахурамазды, но люди должны этому помогать своей праведной жизнью. Заодно и рай себе обеспечивая. Так что есть смысл Ормузда поддерживать, давя, например, разных вредных насекомых и заботясь особенно о собаках. Собака в зороастризме, она ведь почти человек! Так что подобрал бездомную собаку и сколько грехов простится, не сосчитать! Надо надеяться, что после прочтения данной книги бродячие собаки в нашем городе исчезнут, разойдётся по рукам...

Ахунвар. Древний вариант Ахуна-Варья, – главная зороастрийская молитва, названная так по начальным словам – «как Господь наилучший». Примерно то же, что для христиан «Отче наш».

Ахура-Мазда. Есть пришедший через греков вариант – Ормузд. Во многих древних религиях имя бога было запрещено к произношению и осталось неизвестным! Ахура-Мазда означает «Мудрый Бог». Он создал всё лучшее в мире, например, домашний скот, лето, семью. В честь Ормузда жрецы носили белые одежды и возносили молитвы пять раз в день, а его сторонники носили специальные пояса. Учёные считают, что учение об Ормузде и Аримане отразилось в славянском язычестве, где есть сказания о Чёрнобоге и Белобоге.

Бардия. Младший брат Камбиза, участвовавший в египетском походе. Затем был отослан в Персию и там тайно убит по приказу Камбиза. Хотя обычно считается, что он правил Бактрией и уже там произошло эта расправа. Родной брат на древнем Востоке – это прямо какой-то гвоздь в сапоге! Всё время мешает уже своим существованием... Но в 522 году Бардия захватил там власть. Возможно, что это был первый в истории самозванец, «Лжебардия», за которым скрывался маг Гаумата. Историки до сих пор об этом спорят! Понятное дело, такая очень важная проблема...

Бастет. В египетской мифологии богиня с головой кошки, охраняющая Дельту. Центром её почитания был город Бубастис. Считалась также богиней радости и веселья. На её праздниках египтяне выпивали море вина, бесплатно выдаваемого жрецами и поэтому, само собой, «доходя до кондиции». Жрецы египетские понимали, как привлечь к себе любовь народа! Жаль, что в современной России нет такой богини! Хотя кошек, понятное дело, очень даже хватает...

Бэс. В египетской мифологии божество, охраняющее человека от бедствий, покровитель семьи. Египтяне верили, что Бэс изгоняет злых духов, помогает при родах. Изображался в виде карлика, кривоногого, с широким уродливым бородатым лицом, искажённом гримасой. Считалось, что уродство Бэса отпугивает злых духов. Амулеты в виде Бэса пользовались огромной популярностью и их находят в Северном Причерноморье, на Урале и в Сибири. Например, на недалёком от нас Алтае. Интересно, а наш «бес» не связан ли родством с египетским? Может быть...

Вавилон. Самый прославленный город Месопотамии и один из самых знаменитых городов древности. Благодаря Библии он стал символом человеческой гордыни (легенда о Вавилонской башне), смешения народов и олицетворение разных пороков («Вавилонская блудница»). Что ни крупный город, то блудница! Как сейчас наша родная Москва... В переводе же означает очень красиво – «ворота бога». Основан ещё древними шумерами. Был столицей прославленного своими законами царя Хаммурапи, а своего расцвета достиг при царе Навуходоносоре в 6 веке до н. э. Был захвачен в 539 году персидским царём Киром и постепенно терял своё значение, особенно после ряда восстаний. А ведь жрецы сдали город без боя. Поздно спохватились! Впрочем, во времена Ахеменидов город считался одной из столиц, наряду с Сузами, Персеполем и иногда Экбатанами. Город хотел сделать столицей своей империи Александр Македонский, но умер там, и Вавилон постепенно превратился в руины. Местные крестьяне растащили его стены и здания для своих построек. Город, кстати, был многократно проклят в Библии, где и было предсказано его последующее запустение... С богом Яхве и его народом лучше не связываться...

Гор, точнее Хор. Божество, воплощённое в соколе, изображался в виде человека с головой сокола или крылатого солнца. Сын Исиды, выступает как мститель за своего отца Осириса. После смерти Осириса Исида скрывается с младенцем Гором в Дельте, и её часто изображали с младенцем на руках. Позднее этот образ станет христианской мадонной, и вплоть до 16 века иногда, по ошибке, христиане молились Исиде! Кстати, Осирис ожил после того, как проглотил око своего сына! Сколько же ему пришлось ждать... Впрочем, есть версия его оживления сразу после мумификации, проведённой богом Анубисом. Прямо ожившая мумия из известного фильма! Отношение же его с матерью временами были сложные и как-то он ей даже голову отрубил в приступе раздражения. Довела женщина! К счастью, бог Тот приставил Исиде коровью голову – вовремя подвернулось несчастное животное!.. Коровьи рога Исида сохранила и носила с удовольствием и позднее, вернувшись в нормальный облик.

Город мёртвых – явление Нового царства. Так называлась долина на западном берегу Нила (Запад и смерть связаны между собой в древних мифологиях), где в скалах высекались гробницы фараонов. Раньше были пирамиды, которые, вероятно, труднее было охранять и развелось невиданное количество воров, включая и самих строителей! Впрочем, и в городе мёртвых были ограблены все гробницы, за исключением юного Тутанхамона. Хоть тут

ему повезло... Сам же номарх такой город не мог бы себе построить, а только скальную гробницу. Впрочем, действие романа происходит в 6 веке до н. э., когда многие древние традиции были забыты и фактически Египет находился в состоянии полухаоса, и тогда номархи могли себе позволить устраивать собственный «город мёртвых».

Дарий. Персидский царь, правивший в 522–486 гг. до н. э. В результате его заговора «Бардия» был убит, а затем семь знатных персов бросили жребий, определявший будущего царя. Чья лошадь первой заржёт на рассвете, тот им и станет! Умная лошадь Дария заржала первой... Говорят, что ей показали тайком жеребца, а какая кобыла умолчит при этом от радости! Дарий позднее потерпел поражение в Греции – знаменитое Марафонское сражение. Но особенно от этого не страдал – небольшое поражение небольшого отряда в маленькой стране на окраине его огромной империи. Греки же гордились победой многие столетия и до сих пор на олимпийских играх для его участников есть «марафонский бег».

Дуат. В египетской мифологии место, где пребывали умершие, преисподняя «Совсем глубокая, совсем тёмная и бесконечная». Иероглиф Дуата – круг со звездой в центре. В «Текстах пирамид» Дуат изображался в образе женщины-матери умерших, которых она ведёт на небо. Представление о Дуате как подземном мире где-то на западе появилось позднее, скорее всего, в период Среднего царства.

Золотой век. В Египте это время правления богов, позднее уступивших власть земным богам – фараонам. Это правление продолжалось десятки тысяч лет, что радует сторонников существования древней Атлантиды и ещё больше верящих в космических пришельцев! В Новое царство Золотым веком считалось также время правления 12 династии Среднего царства. Так что у египтян их было два, а у нас только Киевская Русь. Да и то только при Владимире и Ярославле...

Ибис. Священная птица бога Тота, также как и павиан. Сам Тот обычно изображался в виде человека с головой ибиса.

Иран – древнее название Персии с многочисленными городами, например, Кирсиматом (см.)

Ка. Одно из самых загадочных явлений Египта, обычно называемое «душа». Жизненная сила и двойник человека, рождается с ним и остаётся после смерти. Ка продолжает существовать, если есть мумия умершего и его изображение, отсюда статуи в египетских гробницах. С Ка можно беседовать и самому человеку при жизни, и его родственникам после смерти. Как в нашей песне, – «тихо сам с собою я веду беседу»... Вероятно, Ка могла и что-то умное посоветовать! Обитая в гробнице, Ка могло покидать её и устремляться в загробный мир. А ведь у египтян были и другие души, например, «ба» покидала тело и улетала на небо в виде птицы. Были ещё так называемая ах, да ещё душа – имя, душа – тень. Хорошо, в общем, было египтянам, а то у нас с вами всего по одной душе! И которой, к тому же, явно рай не светит!

Камбиз. Персидский царь, сын великого завоевателя Кира. Правил в 529–525 гг. до н. э. Захватил Египет в 525 г. до н. э., разгромив армию египетского фараона Псамметиха Третьего благодаря измене командующего египетским флотом Уджагоресента. Потерпел неудачу в ливийском походе, когда его армия была засыпана во время песчаной бури. Её остатки найдены были в конце прошлого века. Узнав о восстании Бардии в Персии, отправился домой и во время пути погиб. По официальной версии, порезался о собственный кинжал! Осторожнее надо обращаться с острыми предметами!

Кирсимат. Один из городов древнего Ирана (см.)

Мемфис. Расположенный недалеко от современного Каира, Мемфис был столицей египетского государства с 3 по 6 династию, в течение самого блистательного периода в истории Древнего царства. Он был основан в самом начале правления I династии, получив название «Город белых стен». При правлении Пепи I новая царская резиденция получила название Менефер, «Хорошая гавань», которое позднее было преобразовано греками в Мемфис. Местоположение Мемфиса позволяло держать под контролем и Дельту, и Долину, и захвативший город мог считать, что он захватил весь Египет. Когда Камбиз взял Мемфис, фараон Псамметих III совершил самоубийство.

Номарх. Правитель нома, или провинции, лидер провинциальной аристократии, наделённый властью администратора, судьи и верховного жреца почитаемого в номе божества. При строго централизованной власти Древнего царства номархи назначались царём, но, начиная с 6 династии, они обрели значительную независимость и стали передавать свой титул по наследству. В период среднего царства роль номархов стала постепенно уменьшаться. В Новое царство номархи потеряли независимую власть, хотя должность и титул сохранялись до конца династической эры.

Нут. В египетской мифологии богиня неба. Дочь Шу и Тефнут, жена бога земли Геба. Дети Нут – звёзды, которых она ежедневно проглатывает и снова рождает, – так происходит смена дня и ночи. Дети Нут являются Осирис, Сет, Исида и Нефтида. Она поднимает умерших на небо и охраняет их гробницы. Хотя, напомним, души умерших также уходят в подземное царство Дуат на Западе. Египтян такие мелочи не смущали... Куда-нибудь, как Алиса у Кэрролла, всё равно попадёшь! Изображение Нут, с любовью смотрящей на мумию, часто помещалось на внутренней крышке саркофага.

Осирис. Самый популярный бог египетского пантеона. Считается в религиоведении богом «умирающей и воскрешающей растительности», богом плодородия. Был предательски убит своим братом Сетом, обманом уговорившим лечь Осириса в богато украшенный сундук, который он бросил в Нил. Вернее, саркофаг... Сам виноват, нечего раньше смерти в гроб ложиться! Плохая примета... А когда жена Осириса Исида нашла сундук, то он, извините, разрубил тело Осириса на 14 частей и раскидал по всему Египту! Исида снова собрала эти части и с помощью Анубиса соединила снова, а затем с помощью магии зачала от мёртвого мужа сына Гора. Сам же Осирис после своего воскрешения ушёл в царство мёртвых, ибо, наверно, обиделся на

родственников, где и стал им править. Живой фараон считался в Египте Гором, а мёртвый Осирисом. Интересно, что в новом царстве все египтяне после смерти считались «Осирисами», такая произошла удивительная демократизация. Как повелитель загробного мира, он ещё именовался «Владыкой двух истин» – по залу, где проходил суд над душой умершего. Путь в царство мёртвых вёл по подземному океану, отсюда ладья в мыслях Арсама. Хотя в зороастрийский рай надо пройти по мосту Чинват над огненной рекой, а встречает душу умершего прекрасная дева. Дева – это хорошо!

Пасаргады. Город, построенный Киром, и его столица. Там же расположена гробница Кира и проходил обряд коронации персидских царей, которые одевались в его одежды и вкушали крестьянскую пищу. Хорошо, заметим, жили в древние времена... Позднее столицей стал Персеполь, а Пасаргады остались священным городом царских гробниц.

Псамметих Третий. Последний фараон саисской династии. Пришёл к власти после смерти своего отца Амасия незадолго до вторжения персов. Находился сначала в почётном плену в Мемфисе, а после возвращения Камбиза из неудачного ливийского похода был казнён. Есть также вариант его самоубийства после взятия Мемфиса. Само же сражение с Камбизом было проиграно, говорят, благодаря кошкам на щитах персидских воинов. Египетские лучники стрелять не стали, и в результате египтяне потеряли главную крепость Пелусий. Да лучше жизнь отдать, чем кошечку случайно ранить! Как египтян не понять...

Ра. В египетской мифологии бог солнца. Центр его культа – город Гелиополь (древнеегипетский Иуну). Воплощался в образе сокола, иногда огромного кота или человека с головой сокола. Ему ставили в Египте четырёхгранные обелиски, перешедшие позднее в европейскую и русскую культуры. Ра считался богом дневного солнца, как Хепри утреннего, а Атум вечернего. Считался также создателем мира и людей, отцом богов и отцом фараона, хотя живой фараон именовался Гором, а мёртвый Осирисом. У него были дочери, помогающие ему бороться с его врагами, – Сехмет, Тефнут, Хатор. Дочери, получается, надёжнее сыновей, что, может, и правильно! Тем более все три очень умело в злых львиц перевоплощались... Дочь Ра Маат – богиня справедливости. В своей ночной барке Ра сражается с Апопом, причём один раз был спасен Сетом. Даже враг может иногда пригодиться!

Ро-Сетау. Понятие «РО СЕТАУ» часто применяется по отношению к Гизе и традиционно переводится как «кладбище», имеет и более специфическое значение «подземные пути». Так же так назывался «Дом Осириса», он – его владыка. Памятуя о своих усопших родственниках, египтяне после праздника приходили к ущелью Пега, к юго-западу от храма Осириса, от которого начинался Ро-Сетау – путь в загробный мир. Напомню, что у греков было три пути в загробный мир, и все всем известные. Это мы не знаем, как туда добираться! Некий А. Драгункин считает, что Ро-Сетау – это наш древний Ростов, расположенный, понятное дело, к северу от Египта, а Север в мифологии обычно ещё и царство мёртвых. Все подобные теории нельзя

отбрасывать, как говорится, с порога. Слишком много накопилось необычных фактов, показывающих индоевропейские корни египетской «элиты»...

Сарды. Столица древней Лидии, захвачена персами по легковерию её последнего царя Креза. На обращение к дельфийскому оракулу последний сказал, что в случае войны Крез «великое царство разрушит». Оказалось, что они говорили о его собственном царстве! Впрочем, если бы он победил, то тогда речь бы шла о царстве персов! Умный был оракул, ничего не скажешь... Сам же город был захвачен, в общем, случайно. Он считался неприступным, но у одного лидийского воина шлем упал и он спокойно спустился за ним со скалы. Это заметили персы и ночью там поднялись. Вот так один скупердяй и погубил Лидию! Иначе персы бы ушли и оракул бы всё-таки ошибся!

Себек. В египетской мифологии бог воды и разлива Нила. Его священное животное – крокодил. Сам Себек изображался в виде человека, крокодила или человека с головой крокодила. В Файюмском оазисе был город Крокодилополь, центр его почитания. А в самом озере жили священные крокодилы с золотыми кольцами. Кормили их хорошо, чем не жизнь? После смерти некоторых мумифицировали. Такому крокодилу жрецы чуть не скормили Таис, героиню романа И. А. Ефремова «Таис Афинская». Понятно, что экономить надо собственные продукты! Интересно, поплакали бы они, крокодилы, потом над девушкой? Себек считался защитником людей и богов, но иногда врагом Ра и Осириса.

Сет. В египетской мифологии брат Осириса и его убийца, олицетворение злого начала. Изображался человеком с головой осла. Священными животными Сета были свинья, антилопа, жираф. После смерти Осириса начал борьбу за власть с сыном Осириса Хором, которая продолжалась долго и закончилась по решению богов её разделением во времени (время Сета – это 50 дней, когда дует из пустыни ветер хамсин) и пространстве. Сету принадлежит пустыня. Но Сету и поклонялись, фараоны Нового царства часто носили его имя. Он также считался богом чужеземцев. Кстати, в одной из схваток с Хором последний откусил ему, как деликатно выражаются учёные, «его мужское начало», а Сет вырвал и проглотил глаз Хора. Да ещё разрезал на 64 части! Вспомним, что брата Осириса разрубил на 14 частей. Озлилось явно божество! Мне кажется, что Сет пострадал больше, ибо глаза два, а «мужское начало» одно! Тем более, что мудрый бог Тот глаз собрал, а Хор дал его проглотить отцу и последний воскрес... Универсальный глаз! Позднее Сет у Хора оба глаза вырвал, так сказать, любимое его занятие, но из этих глаз выросли цветы лотоса... Так что всё на пользу Египта шло, даже борьба двух богов...

Сешат. Дочь или сестра (жена) Тота, богиня письма. Изображалась женщиной в шкуре пантеры, накинутой поверх рубашки, с семиконечной звездой на голове. Сешат – глава «дома жизни», то есть собрания рукописей, архива, на листьях дерева «шед» (её фетиша) она записывает годы жизни и правления фараона, а позднее и всех египтян, ведает искусством счёта, составлением строительных планов. Эх, договориться бы с богиней, чтобы

приписала десятка два лишних годов на личном листике, чтобы подольше на дереве держался, да как до неё добраться? Хотя сейчас есть и что предложить в качестве взятки, например, духи «Шанель»...

Скарабей – Хеперер. Это маленькое создание было связано египтянами с величественным богом-солнцем и стало символом возрождения. Самка скарабея откладывает яйца в шарики навоза, которые она затем катит перед собой по пыли и песку, пока они не станут такого же размера, как она сама. Для стороннего наблюдателя этот процесс походил на то, как бог Ра катит солнечный диск по небосводу. Кроме того, из этого шара появляются маленькие жуки, служа наглядной метафорой сотворения богом жизни на земле. Скарабей считался священным символом, и в Древнем Египте были созданы миллионы его изображений. Их носили как на шее, так и на кольцах. Скарабеев закладывали между слоями ткани египетских мумий. Отождествлялся скарабей также с богом утреннего солнца Хепри, в романе Хеперер.

Сфинкс. Это название может происходить от египетского словосочетания «шесеп анх» («живой образ»). Первой и самой знаменитой из подобных статуй является статуя Великого Сфинкса в Гизе, вырубленная из монолитной скалы и имеющая длину около 60 метров. Она имеет тело льва и человеческую голову, чей головной убор указывает на царское достоинство. Фигура сфинкса охраняет погребальный комплекс фараона Хафра. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что сам сфинкс был объектом поклонения, хотя вокруг него складывались всевозможные легенды и истории. В Новое царство многие фараоны приказывали изготавливать сфинксов, иногда целыми аллеями. Два таких сфинкса фараона Аменхотепа III стоят на набережной Невы в Петербурге. Современные арабы считают, что когда Сфинкс, прозванный ими «Отцом Ужаса», заговорит, то мир погибнет. Так что пусть уж данное создание подольше молчит! А то высекли его египтяне когда-то, как говорится, на свою голову... Говорят также, что он имеет привычку бродить по пустыне и временами уходит, отсюда и отсутствие его описания у Геродота и ряда других путешественников...

Таит. В египетской мифологии богиня ткачества. Покровительствовала ткачам, охраняла одежды богов (их статуй в храмах), царей и мёртвых.

Тефнут. В египетской мифологии богиня влаги. Её земное воплощение – лвица. Тефнут – дочь Ра, его любимое Око. Когда Ра утром всходит над горизонтом, Тефнут огненным оком сияет у него на лбу и сжигает врагов великого бога. Когда-то она поссорилась с отцом. Разгневанная Тефнут удалилась в Нубию, в Египте наступила засуха, и только посланный Ра бог Тот в виде павиана рассмешил богиню и уговорил её вернуться в Египет. С возвращением Тефнут египтяне связывали начало разлива Нила, и это был великий их праздник. Хотя по другому варианту, разлив начинался от слёз Исиды, оплакивающей Осириса. Вообще у египтян их глаза охотно покидали своих хозяев, чтобы начать самостоятельное существование. Боги же, их лишившись, с лёгкостью обретали новые... У нас же у Гоголя только нос покинул владельца, и то сколько проблем было... Учиться всем нам надо у египтян...

Тот. В египетской мифологии бог мудрости, счёта и письма. Женой Тота считалась богиня истины и порядка Маат. Священными животными Тота были ибис и павиан, а сам он обычно изображался в виде человека с головой ибиса. Как бог луны, он вёл счёт дням, месяцам, году. Он создал письменность и научил людей счёту и письму. Писцы считали его своим покровителем. Ему приписывалось создание «Книги мёртвых», где он часто изображался около весов, записывающим результат взвешивания сердца умершего. Как и Анубис, Тот участвовал в обряде бальзамирования. Даже Осирис, Исида, Нефтида и Сет обязаны ему своим рождением, так как он выиграл в игре с Луной пять дней и благодаря этому родились данная четвёрка и Хор (другой, не путать с сыном Исиды!). Вот к чему приводят азартные игры! Временами от них и польза бывает...

Уннефер. Одно из имён Осириса, означающее «добрый, красивый». Для египтян это были синонимы! Отсюда, кстати, и известное в России имя Онуфрий, сейчас уже не встречающееся. Заметим, что у нас есть и другие египетские имена, самые что ни на есть народные – Таисия, Пахом, Сусанна, Сидор. Сидоровы носят египетскую фамилию, не зная об этом! В отличие от Ивановых и Петровых...

Уджагорресент. Предатель, перешедший на сторону Камбиза и открывший финикийцам проходы в Дельте. Предатель есть предатель, даже имя какое противное! Но в истории сохранилось, а что ещё надо для обретения такого бессмертия...

Фараон. Так образно называли правителей Египта, это несколько искажённый греческий вариант от египетского слова «Пер-О», что означает «Большой Дом». Сравните с нашими выражениями, такими, как «Белый дом» в отношении американских президентов. Имя фараона считалось запретным для произношения, а при упоминании фараона добавлялась ритуальная формула – «Жизнь, Здоровье, Сила»... Охранял фараона «урей» – корона с головой кобры, испепеляющей возможного врага. В повести Вс. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» Фукс попытавшись отколоть кусочек саркофага, вернулся на «Беду» с синяком под глазом и объяснил, что это фараон его стукнул. Он же мёртвый, – удивился Врунгель. Живёхонек, вот их целый отряд идёт... Фараонами сначала в Англии, а затем в Египте 20 века стали звать полицейских. Вот она, связь времён!

Фивы. В период так называемого Первого Переходного периода Фивы стали столицей независимого нома, а во время Среднего царства столицей всего Египта. Для всего древнего мира это был город легенд и чудес из-за его богатства, важности и целого комплекса уникальных зданий. Его Карнакский и Луксорский храмовые ансамбли были крупнейшими сооружениями мира вплоть до нового времени. На западном берегу Нила находился город мёртвых с гробницами фараонов и египетской знати. Позднее центры Египта переместились в Дельту, а Фивам остались храмы и славное прошлое. В 664 году до н. э. Фивы были разграблены и сожжены ассирийцами. За свои

четыре ворота греки прозвали их «стовратными», чтобы, понятное дело, отличать их от своих «семивратных» с одними воротами!

Хатхор. Дочь Ра Хатхор («дом Хора», египетское слова «хат» так похоже на нашу хату!) или Хатор в египетской мифологии – богиня неба. Изображалась в виде коровы, родившей солнце. С возвышением бога Ра стала считаться его дочерью, солнечным оком и изображаться в виде львицы. Почиталась также как богиня веселья, любви, радости, музыки, пляски. Её называли часто «золотая». Но она же вместе с богиней Таурт (очень симпатичная бегемотиха, иногда с головой львицы) встречает умерших на пороге подземного царства.

Хеку, Хека. Не путать с ХЕКом – народной рыбой! Египетская богиня плодородия. Её священное животное – лягушка. Изображалась в виде лягушки или женщины с головой лягушки. Хекет помогала роженицам, в загробном мире – умершим. Подобно Хнуму, она сотворила людей. Всё успевали делать египетские боги, в отличие от других народов с узкой божественной специализацией... Воля автора романа превратила богиню в бога, но иначе герою романа было бы сложно бить её по голове куском мрамора. А богом-то что церемониться...

Чертог двух Истин. Назывался также залом богини Маат. Существовало представление о двух сёстрах Маат, отсюда и название зала. Здесь совершался суд над душой умершего, на котором присутствовали такие боги, как Осирис, Анубис, Исида, Нефтида и другие боги. На весы клали сердце умершего и на другую чашу статуэтку Маат. Если весы уравнивались, то душа считалась оправданной и попадала в египетский рай Иару. Лишь бы весы не барахлили! А то вдруг станешь жертвой неправильного взвешивания и лишишься рая...

Шаи. В египетской мифологии бог виноградной лозы. С образом Шаи связаны представления о довольстве, изобилии, богатстве. Имя Шаи часто встречается в добрых пожеланиях. Впоследствии Шаи стал божеством судьбы, определяющим срок человеческой жизни.

Шеду. Духи-хранители дворцовых ворот в виде крылатых быков или львов с человеческой головой. Часто делались пятиногими: пятая нога для смотрящего на изображение создавала иллюзию шага по направлению к зрителю. Так сказать, древняя страшилка... В романе мальчика так назвали, чтобы, когда вырастет, вероятно, боялись! Или древняя магия имён – опасных духов отпугивать...

Экбатаны. Древняя столица Мидии, основанная царём Киаксаром в конце 7 века до н.э. Кстати, свою дочь Амитиду он отдал замуж за вавилонского царя Навуходоносора и тот построил своей жене, выросшей в горах, знаменитые «висячие сады Семирамиды». Город Экбатаны существует и сейчас, он называется Хамадан.

Составил: **Тараканов С.Б.**,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории КузГПА.

Оглавление

Глава двадцать вторая ЛЮБОВЬ	3
Глава двадцать третья ПУТЬ В МЕМФИС.....	9
Глава двадцать четвертая СБЫВШЕЕСЯ ЗНАМЕНИЕ.....	15
Глава двадцать пятая ПРОЧЬ ИЗ СТОЛИЦЫ	21
Глава двадцать шестая СЕМЬЯ ХЕРИХОРА	28
Глава двадцать седьмая ЗАВОЕВАТЕЛИ.....	35
Глава двадцать восьмая ГАННИБАЛ	42
Глава двадцать девятая БЕДНЫЙ АПРИЙ	50
Глава тридцатая ВОЗРАЩЕНИЕ.....	57
Комментарии.....	61

Тираж 50 экз.